

АЛЕКСАНДРА ИСКВАРИНА

ПЕПЕЛ ААР'ДАЙНА
ЧАСТЬ II: МОСТЫ

Нити Прадильшника

Александра Искварина

Пепел Аар'Дайна.

Часть II: Мосты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40148282

ISBN 9785449610898

Аннотация

Она не знает своего имени и рода. Она считает себя полукровкой и привыкла быть презираемой. Но упорством и жадной жаждой знаний она добивается рекомендации для обучения в главном магическом университете Праведного Государства. Теперь она одарённый маг Пути Духа и Верная Богини Сумерек. Ей предстоит совершить невозможное. Сможет ли она узнать себя и поверить, что достойна выпавшей судьбы? Сумеет ли связать разорванное и восстановить разрушенное? Хватит ли ей сил и решимости противостоять ужасу безумия?

Содержание

Благодарности	5
Малышке Айе, сумевшей своей крохотной жизнью связать сотни людей	6
1. Йошимон, десятое Цветущих Яблонь	7
2. Новые заклинания	27
3. Эхо смеха	36
4. Страх и ярость	45
5. Очищение	58
6. Подозрения	70
7. Примирения	82
8. Сражения	96
9. Тэйто	107
10. Каменные сады	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Пепел Аар'Дайна

Часть II: Мосты

Александра Искварина

© Александра Искварина, 2019

ISBN 978-5-4496-1089-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-1090-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Моим детям Стасе и Паше, без которых мысль написать эту историю, возможно, никогда не пришла бы мне в голову.

Моему мужу Валентину, без чьей поддержки у меня не было бы столько времени, чтобы писать.

Моей подруге Смородине, подарившей мне несколько бесценных идей, без которых этот текст был бы совсем иным.

Лучшему в мире бета-ридеру AntimonyFyr, без чьей неоценимой помощи этот текст был бы куда хуже.

Разработчикам серии игр «The Elder Scrolls» за удивительный, вдохновляющий мир, созданный ими.

Томасу Бергерсену за потрясающую музыку, под которую были написаны лучшие главы.

**Малышке Айе, сумевшей
своей крохотной жизнью
связать сотни людей**

1. Йошимон, десятое Цветущих Яблонь

«Всё получилось... Аса'ю-Мать¹, это невероятно, но у меня получилось снять мерзкое заклинание Айралора! С Эйна всё будет в порядке. И я тоже чувствую себя прекрасно. Правда, мастер Йосини всё ещё не выпускает нас из лазарета. Сегодня тэнсамон², день, когда мы обычно собираемся в археологическом клубе, и у меня уже руки чешутся взять лопатку, кисть и начать раскопки хоть прямо здесь! Хорошо, что ребята принесли нам учебники и каждый день носят конспекты лекций. Лиснетта даже научила, как наложить на них слабую незримость. Если книжки будут специально искать, оно, конечно, не поможет, но если случайно распахнётся дверца шкафа (а она вечно распахивается!) – ничего не видно.

Мастер Йосини настояла, чтобы мы обязательно дважды в день по часу гуляли. Это очень странно – гулять с ним. Иногда мы подолгу молчим, иногда разговариваем

¹ **Аса'ю** – одна из Богов-Хозяев, мать сумерек, рассвета и заката, направляющая и усиливающая магические силы; особым образом связана с Небесной и Лунной Семей; единственная из Богов-Хозяев, кто по-настоящему заботится о своих Верных.

² **Тэнсамон** – пятый день недели в тамриэльском календаре; посвящён пятому созвездию Небесной Семьи Тэнсай – Мудрецу и Наставнику.

о жизни до Кадая. Это... очень непривычно. Я даже Саррме и Дораши никогда не доверяла того, что решаюсь рассказать ему. Он всегда так внимательно слушает!

Правда, о том, что случилось с нами, мы не говорим во-все. Я не знаю, как с этим быть. И не очень понимаю, что думает Эйно. Кажется, он просто рад, что всё закончилось хорошо.

Стало ли всё совсем, как прежде, до заклинания? Нет... Я не знаю... То есть... Да, меня снова ужасно смущает писать об этом. И мне всё время немного неловко и... да, страшно рядом с ним. Не знаю, чего я боюсь. Даже смешно предполагать, что он мог бы сделать мне что-то плохое. С ним интересно. И очень спокойно. Ну, если бы не смущение. Но я, кажется, даже к этому уже привыкла. Наверное, это значит, что все нити снова срослись? Но ни разу больше они не становилось видимы сами по себе, как тогда, в Энсо. А попытаться посмотреть самой мне... опять неловко.

Скорее бы йошимон³! Как-то там мастер Эиши-Дан? С ума сойти: я о нём... беспокоюсь!»

Утром йошимона, за завтраком, столовая содрогнулась от восторженного вопля рыжей ринминки⁴, проскакавшей,

³ **Йошимон** – первый день недели в календаре Праведного Государства; посвящён первому созвездию Небесной Семьи – Йоши, Рыцарю и Старшему Брату.

⁴ **Ринмины** – лесные эльфы, жители Лесной провинции – Марино; ростом чуть ниже людей, цвет кожи от обычного светлого до смугло-оливкового, чаще русоволосы, но встречаются шатены и рыжие, глаза светло-карие, жёлтые или зелё-

размахивая руками, по проходу, едва не сбив с ног нескольких учеников. У дверей она налетела на двоих кэриминов⁵ – первошагов и, неразборчиво, но оглушительно вереща, повисла у них на шеях, так что они едва не стукнулись головами и оба потемнели от смущения.

– Лис, ты нас задушишь! – сдавленно выговорил Эйно.

Освободившись от объятий ринминки, Кимри невольно потёрла ухо: рыжая так громко пищала, что стало больно. Впрочем, обижаться на сумасшедшую подружку было бы смешно – она так искренне радовалась.

– Приветствую! – несколько церемонно поклонился Шахарро и встопорщил усы в улыбке. – Без вас было пусто за нашим столом!

– Привет, сестрёнка! Здорово, дружище! – пробасил Роддвар, поднимаясь и стискивая своей лапищей узкую ладонь кэримина.

Кимри совсем было смутилась, но Лиснетта принялась трещать о последней фееричной лекции своего обожаемого наставника мастера Мислава, Шахарро то что-нибудь добавлял, то возражал, в общем, стало весело и легко.

Войдя в лекционную, Кимри на некоторое время замялась у порога, задумавшись: с кем ей теперь сидеть за одним столом? Впрочем, поразмышляв, она заняла место рядом

ные; отличаются ловкостью и умением выживать в лесах, лучшие лучники и охотники в Праведном Государстве.

⁵ **Кэримины** – падшие эльфы, обитают в Хайно – Пепельной провинции, отличаются пепельно-серым цветом кожи, в большинстве черноволосы и черноглазы.

с северянином, как раньше. Взглянула несколько виновато на Дарриса, но тот лишь спокойно улыбнулся. В самом деле, могла сразу сообразить: было бы очень неловко так открыто демонстрировать их... гхм... В общем, было бы неловко.

Темой нынешней лекции по теории Пути Перемен оказалось заклинание *отмычка*. Слушая нудное и туманное объяснение мастера Олквати, Кимри и Роддвар то и дело переглядывались.

– И почему нас не учит мастер Эшши-Дан? – посетовала кэриминка шёпотом. – Он ведь тоже на Пути Перемен специализируется.

– Он старшим шагам преподаёт, – ответил Роддвар. – Говорят, очень крут. Так что с нами ему скучно было бы. Хотя... ты ведь тогда его, похоже, всерьёз озадачила своим упрощением *отмычки*.

– Аса'ю-Мать, я уж и забыла...

– А вы, молодые люди, уже освоили новое заклинание? – язвительно вторгся мастер Олквати. – Сможете открыть этот замок?

Учитель кивнул на небольшой сундучок на своём столе. Роддвар подтолкнул Кимри в бок и мотнул головой, мол, иди, покажи им! Мастер Олквати неприятно усмехнулся, и Кимриналь это вдруг задело. Она поднялась, подошла к сундуку, положила ладонь на замок, сосредоточилась, через пару секунд шевельнула пальцами, шепнула формулу – и класс вздрогнул от громкого щелчка. Кимри за-

поздало подумала, что по-хорошему нужно было бы сначала проверить, не наложено ли на замок заклинание-ловушка. Впрочем, этого можно было ожидать от мастера Эшши-Дана, но не от недалёкого зануды-тайсомина⁶.

Мастер Олквати недоверчиво оглядел открытый замок, тщательно запер и попросил открыть снова. Кимри спокойно повторила заклинание: второй раз оказалось даже проще – замок моментально щёлкнул и открылся. Учитель, пристально наблюдавший за действиями ученицы, вскинул брови и спросил:

– Вы сознаёте, что отперли сейчас замок третьего шага? Кто вас научил этому?

– Мастер Эшши-Дан во время экспедиции, – честно ответила кэриминка.

Тайсомин едва заметно поджал губы, но вслух сказал:

– Ах, вот оно что. Видимо, придётся по этому заклинанию поставить вам зачёт авансом.

Ученики ошеломлённо загомонили, ибо это было неслыханно. Мастер Олквати постучал по столу, призывая к тишине, и спросил, выразительно глядя на двоих археологов:

– Кто-нибудь ещё желает попробовать?

Вызвался Роддвар. Он, конечно, пропыхтел над замком значительно дольше, но тоже справился. Эино повторил за-

⁶ **Тайсомины** – старшие эльфы, обитают в Восточной провинции – Азумано, отличаются светло-золотым цветом кожи, как правило светловолосы, цвет глаз от светло-золотого до зелёного, обыкновенно высоки и худощавы.

клинание лишь чуть быстрее северянина. Кимри тайком взглядывалась в лицо кэримина, всё ещё тревожась о его здоровье, но он выглядел бодрым и отдохнувшим даже после чтения непростого заклинания.

Несколько учеников тоже решили попытаться счастья с третьшаговским замком, но никто больше не преуспел. Мастер Олквати достал другой сундучок, предназначенный для второшагов, но даже его никто так и не смог отпереть. Ученики завистливо косились на троих археологов, записывая в тетради дополнительные рекомендации и тренировочные задания учителя.

Следующим был урок Пути Миражей. Мастер Мислав решил начать сегодняшнюю лекцию в образе «строгий учёный», даже оделся чопорнее обычного.

– Итак, мы с вами усвоили, что в основе большинства эффектов Пути Миражей лежат знания об особенностях восприятия и внимания и умелое использование оных.

Двойняшки дружно фыркнули над его непривычно заумным слогом и назидательными интонациями. Учитель сдержал улыбку, но Кимри заметила, что глаза хандина⁷ откровенно смеются, пока он благочинно складывает перед собой на кафедре руки и продолжает игру.

– Кроме того, мы научились усиливать эффект наших дей-

⁷ **Хандины** – полуэльфы в тесном родстве с тайсоминами, жители Горной провинции Дайчино; светлокожи, иногда с золотистым, как у тайсоминов, оттенком, чаще черноволосы, цвет глаз самый разнообразный; считаются самой красивой расой, несмотря на смешанное происхождение.

ствий особыми словами и жестами, требующими использования магической силы. Думаю, все успели обратить внимание на то, что эти жесты и слова производят заметный световой и звуковой эффект. Это может быть весьма полезно в качестве отвлекающего, рассеивающего внимание фактора. Однако... – мастер Мислав сделал драматическую паузу, – что же мы будем делать, если нам необходимо сохранить скрытность? К примеру, представьте, что вы решили очаровать продавца в лавке. Уверяю вас, все они прекрасно осведомлены о вероятности нарваться на таких ушлых нас. – По лекционной прокатился смешок. – Догадаетесь, что случится, когда торговец увидит, что вы колдуете?

– Выпрет из лавки, – пробасил Роддвар, не задумываясь. – Хорошо, если ещё стражу не позовёт.

– Совершенно верно, – хандин подчеркнул свои слова, помахав в такт поднятым указательным пальцем. – Впрочем, это – пример лишь для наглядности. На самом деле, уважающий себя маг не будет опускаться до мошеннического использования умений. Но! Как вам понравится следующий факт? Заклинанием *скрытности* и *незримости* вы во все не сможете овладеть, не научившись бесшумному колдовству.

Ученики снова загомонили: похоже, никому и в голову это не приходило.

– Итак, – мастер Мислав облокотился на кафедру, доверительно склонился ближе к слушателям и, внезапно сно-

ва превращаясь в артиста-балагура, развёл руками, – что же нам делать со всей этой феерией, столь зрелищной на сцене и столь мешающей в ситуации угрозы нашей бесценной жизни?

– Учиться не отсвечивать! – радостно скаламбурил кто-то.

– Спрятать руки в рукава! – добавила одна из Двойняшек.

– Или в карманы! Или под полу! – вклинилась вторая.

Мастер Мислав улыбался и кивал.

– Хо-ро-шо. Замечательно. Мы решили проблему со светом. А что же будем делать со звуком? Кстати, вы вообще представляете себе, как звучит заклинание *скрытности*? Вот, я прячу руки под кафедру, вспышки вы – наверное – не увидите...

Учитель склонил голову, едва слышно шепча заклинание. Звук, раздавшийся из-под кафедры, описать в точности было бы непросто: смесь гудения, шипения и звона с хлопком. Ученики ахнули и невольно вытянули шеи, пытаясь рассмотреть, куда делся мастер Мислав. Кимри машинально сотворила *чувство жизни* и увидела розоватое пятно возле двери в лекционную, двинувшееся к задним рядам. Потянув за рукав Роддвара, она кивнула ему в сторону крадущегося хандина. Действие заклинания закончилось, когда он всего пары шагов не дошёл до самого заднего стола. Сидевшие за ним ученики невольно шарахнулись, увидев учителя прямо перед собой, и несколько нервно захихикали. Мастер Мислав панибратски потрепал их по головам и вернулся за кафедру.

– Итак? Вы слышали довольно громкий эффект. Что нам с ним делать?

Лекционная притихла.

– Ннууу... – неуверенно нарушил молчание Роддвар.

– Да? Прошу вас, не стесняйтесь!

– Туман сильно гасит звуки. Я б попробовал сделать вроде облака вокруг себя.

– Неплохая идея, – серьёзно одобрил мастер Мислав. – Но при этом всё-таки неизбежен визуальный эффект.

– Ну и чо? – смело возразил северянин. – Это ведь не вспышка. Если сидишь в углу в тёмной пещере – кто там увидит туман?

– Резонно, – согласился учитель. – Давайте пробовать!

Пока все принялись обсуждать, как именно создавать туман, какой густоты и величины должно быть облако, чтобы всё сработало, Кимри снова задумалась о задаче с точки зрения Пути Духа. Что такое звук? Почему он заглушается, перестаёт распространяться в тумане? Вот я выдыхаю и слышу шипение. Я прикрываю рот рукой, и звук затихает, столкнувшись с преградой. А туман – это преграда? Он ведь не твёрдый и не сплошной. Нет, не понятно... Нужно будет спросить мастера Эттилора.

Мастер Мислав, понаблюдав за попытками учеников, кивнул:

– Молодцы! Достаточно. На самом деле, признаюсь, я вас немного обманул. Точнее, не сказал всей правды, – учитель

очаровательно улыбнулся. – Для того, чтобы заглушить звук, существует несколько специальных заклинаний. Но они пока будут для вас слишком сложны, как, собственно, и заклинания *скрытности* и *незримости*. Я дал вам эту задачу для того, чтобы подстегнуть исследовательский интерес. И сейчас, продолжая следовать этой идее, я даю вам домашнее задание: придумать, как ещё можно добиться беззвучности доступными вам способами. На это у вас целая неделя – следующую лекцию я вынужден отменить в связи с отъездом.

Вечером, шагая по коридорам к Южной башне, Кимри пыталась посчитать, сколько дней не видела мастера Эшши-Дана – выходило около десяти. И в последнюю встречу она рассказала хашину⁸ о Мэнираи... Сегодня за весь день она ни разу не видела его в коридорах, а расспрашивать у кого-либо постеснялась, и теперь в нетерпении и беспокойстве ускоряла шаг.

Фонари на лестнице в башню оказались погашенными. Лиснетта удивилась вслух, а Шахарро зажёл их по очереди крохотными *огненными клубками*. В полукруглой комнате тоже оказалось темно и пусто. Хёдин⁹ зажёл свечи в канделябре возле учительского стола и удивлённо провёл рукой по столешнице – в пыли остался заметный след.

– Странно... – пробормотал Шахарро. – Он шшто, совсем сюда не заходил без нас?

⁸ **Хашин** – титул вождя в племенах хайминов.

⁹ **Хёдины** – раса котолоудов, живут в Западной провинции – Нишино.

– Да ладно, не может быть! – отозвалась Лиснетта. – Он тут почти живёт!

– А когда ты с ним говорила? – подал голос Эйно.

– Я? Эээ... – рыжая заморгала удивлённо и зашевелила губами, подсчитывая дни. – Ну, вы ещё в лазарете были, вообще-то... Что-то и правда не понятно.

– А живёт он где? В учительском секторе? – спросил Роддвар.

– Да, – кивнула Лиснетта. – Хотя, тут у него тоже есть комнатуха, внизу, рядом со входом на раскопки. Пойду, гляну, может, он там!

Рыжая стремительно унеслась вниз по лестнице. Остальные расселись за столы, озадаченно помалкивая. Кимри напряжённо прислушивалась к дробному затихающему звуку шагов ринминки. Гулкое эхо донесло стук, ещё раз, и ещё, потом голос Лиснетты, видимо, окликающей учителя. Затем раздался скрип ржавых дверных петель и глухой едва различимый голос. Мастер Эшши-Дан первым вошёл в зал, следом семенила рыжая с растерянным лицом.

Хашин выглядел жутко: бледный, осунувшийся, нос и скулы заострились, под глазами залегли густые тени. Окинув лихорадочным взглядом учеников, мастер Эшши-Дан спросил отрывисто и хрипло:

– Какой сегодня день?

– Десятое Цветущих Яблонь¹⁰, – отозвался Эйно после

¹⁰ Цветущих Яблонь – четвёртый месяц в календаре Праведного Государства,

некоторой заминки; остальные оторопело молчали, даже Лиснетта.

Малларен шагнул к столу и скованно, с напряжённо выпрямленной спиной, опустился на стул. Положив перед собой ладони так, словно опасался упасть вперёд, хашин вперил взгляд в пустую запылённую столешницу. Ученики переглядывались, ясно читая на лицах друг друга одну и ту же мысль: учитель болен, ему нужна помощь! Но никто не решился заговорить об этом первым, опасаясь гнева гордца-хаймина¹¹.

Только Кимриналь не отрывала взгляда от Малларена. Она пыталась понять, *что* видит. Тогда, в лазарете, когда хашин вместе с мастером Эттилором пытался ей помочь, Кимри показалось, что пытавшаяся обвить её лента из серебряных нитей ни с чем не связана. Вспоминая об этом после, Кимриналь раздумывала, не живёт ли мастер Эшши-Дан в таком же состоянии, в каком оказались они с Эйно Даррисом? Не это ли причина страдания, что она нечаянно увидела? Сейчас же Кимри ясно различала, что поток свитых нитей, тянущихся в неизвестную даль, не разорван, но болезненно искорёжен: словно тканый пояс пытались рассечь, а после неровно, грубо сшили, и теперь гармония узора нарушена, тут узлы, тут спутанные провисшие пряди, тут обрывки...

последний месяц весны.

¹¹ **Хаймины** – пепельные эльфы; изначально – кэримины, но отказавшиеся от новых религий и сменившие городской образ жизни на кочевой; отличаются более сухощавым сложением и более тёмным цветом кожи.

Она знала, что не сможет это починить. Может быть, вообще никто не сможет. *Несбывшееся*, вероятность которого истаяла Аса'ю ведаёт сколько лет назад... Но то, что за годы улеглось хоть сколько-то терпимыми петлями – сейчас болезненно натянулось. И мастер Йосини тут не поможет.

Если бы можно было повторить то, что она сделала для Эйно! Но прямо сейчас – невозможно. Нужно готовиться, нужно время, место, согласие хашина, наконец. А она даже не представляет, как хоть одним словом об этом заикнуться. Да и вообще не уверена, что когда-нибудь в жизни сумеет повторить то, чего сама не поняла. Никто толком не знает о силе, что мастер Йосини назвала *айя*, а те, кто знает – не разбираются в её свойствах. Никто не придумал лечебных заклинаний, использующих её.

Поднявшийся тяжёлый взгляд хаймина заставил Кимри перестать рассматривать призрачные сплетения вокруг него. Малларен некоторое время мрачно взирал на кэриминку с непонятным выражением, больше всего похожим на сдерживаемый гнев и отвращение. Но она вдруг со всей ясностью осознала, что эти эмоции не имеют к ней совершенно никакого отношения.

«Что? Что я могу сделать?!»

Мысленный порыв *послания*, похоже, достиг сознания хашина: он плотнее сжал губы, ещё пару секунд помолчал, потом ткнул пальцем по очереди в неё и Дарриса:

– Вы. И вы.

Поднялся и каменно прошагал вон, предоставив кэриминам молча следовать за ним. Хёдин, северянин и ринминка в недоумении остались сидеть по местам.

Кимриналь и Эйно догнали Малларена на первых ступенях винтовой лестницы ровно в тот момент, когда самообладание изменило хашина, и он опасно покачнулся. Ученики, не сговариваясь, подхватили его с обеих сторон. Тонкие длинные пальцы яростно впились Кимри в предплечье. Она молча стерпела и решила спросить:

– Куда?

– Эттилор, – коротко выдохнул Малларен сквозь зубы.

За всё время, пока ученики вели его по коридорам, хашин более не произнёс ни звука. Кимри, не поднимая глаз, чтобы не оскорбить его своим состраданием, молча молилась Аса'ю.

Мастер Эттилор встретил их в общей зале учительского сектора. Поднявшись из кресла навстречу странной процессии, он взглянул на бескровное лицо хашина и только укоризненно покачал головой. Впустив же кэриминов в комнату, мастер Эттилор, нимало не беспокоясь о чувствах хашина, сварливо набросился на него прямо при учениках:

– Малларен, вы когда-нибудь угробите себя своей непомерной гордыней. Сколько раз я говорил вам обращаться ко мне при первых признаках ухудшения?! Нет же, вы всякий раз доводите себя до полной невменяемости!

Мастер Эттилор раздражённо махнул рукой в сторону

кровати, достал из ящичков стола травы и принялся яростно толочь их в ступке, продолжая отчитывать хашина:

– Я могу понять подобную глупость у вояк из Рикухэй¹², но вы! Вы же учёный! Вы прекрасно отдаёте себе отчёт в происходящем и в последствиях! Что за извращённый способ самоубийства?! Позёрствуете, как мальчишка!

Кимри даже отступила на полшага и прикрыла глаза в ожидании самого яростного гнева в ответ на столь бесцеремонную отповедь. Но мастер Эшши-Дан молча опустил на кровать и, закрыв глаза, привалился спиной к стене. Помолчал немного и глухо произнёс:

– Да.

– Да! – вскипел тайсомин. – Да, понимаете ли!

А-а, что с вами говорить... Ваши агирь¹³ – и те не так упрямы.

Малларен открыл глаза, поглядел на мастера Эттилора и снова сказал:

– Да.

Наставник обернулся, по-стариковски подбоченился, окинул хаймина с ног до головы возмущённым взглядом, потом обернулся к ученикам.

¹² **Рикухэй** – сухопутная армия Праведного Государства.

¹³ **Агирь** – вьючно-ездовые животные в Пепельной провинции, низкорослые (чуть крупнее осла) очень мохнатые бычки, чёрного или серого окраса, умные, но довольно вздорные, непросто поддающиеся приручению; в основном их разводят и тренируют кочевники-хаймины, достигшие в этом настоящего мастерства.

– Откуда вы его притащили?

– Из Южной башни, – ответил Эйно.

– А? Он что, ещё и учить вас пытался?!

– Нет, мы...

– Я практиковал ан'тэй¹⁴ у себя в комнате, – перебил мастер Эшши-Дан.

– Практиковал ан'тэй! – опять фыркнул тайсомин саркастически. – И сколько дней, позвольте спросить?

Хашин помолчал, потом мрачно признался:

– Не помню...

Мастер Эттилор безмолвно воздел руки к потолку и снова принялся гневно стучать пестиком в ступке.

– Вот что, – снова заговорил он, немного успокоившись. – Эйно, передайте остальным археологам, что в ближайшие три дня занятий у вас не будет, и можете идти отдыхать. А ты, дорогая, – тайсомин взглянул на Кимри, – пока останься. Присядь. Я закончу с этим... телёнком агира!.. и мы поговорим с тобой.

Эйно коротко поклонился, прощаясь со всеми, чуть улыбнулся Кимриналь и вышел. Кэриминка опустилась в кресло и стала смотреть, как наставник готовит зелье.

– Что? – спросил вдруг у неё Малларен, не открывая глаз. – Что вы увидели?

Кимри поняла, что он имеет в виду, и смешалась. Мастер

¹⁴ **Ан'тэй** – состояние спокойной сосредоточенности (имперск.), упражнение на концентрацию магического внимания, особого рода медитация.

Эттилор покосился на них, но не стал отвлекаться, отмеряя на весах дозы ингредиентов.

– Я... боюсь, я не могу это объяснить, – проговорила она, запинаясь от смущения. – И... исправить тоже не могу... пока...

Хашин вдруг коротко хохотнул, хотя лицо его искривила гримаса, далёкая от веселья:

– Х-ха! Пока!.. Эттилор, мне нравится ваша ученица.

– А ты не ёрничай, – осадил его тайсомин со всей серьёзностью. – Девочка – самородок. Мы ещё подивимся её делам. А тебе, может статься, доведётся быть ей благодарным.

Кимри вспыхнула и отвернулась, не зная, куда деваться от душного стыда. Хвалить её при хашине? Вот уж спасибо, наставник. Тот и так уж, наверное, возненавидел ученицу, вечно сующую куда не надо свой бестолковый нос.

Мастер Эшши-Дан, впрочем, промолчал. Взял из рук тайсомина стакан, залпом выпил зелье и, подчинившись жесту, покорно улёгся. Мастер Эттилор прочёл несколько неизвестных Кимри заклинаний, потом сел рядом с ученицей.

– Ну, вот. Теперь он будет спать до утра.

– Значит, это не первый раз? – решила спросить Кимриналь.

– О, далеко не... Впрочем, – наставник сокрушённо покачал головой, – *так* плохо было, пожалуй, раза четыре за всё время. Ума не приложу, что могло вызвать столь тяжёлый приступ.

Кимри опустила голову и с трудом выговорила:

– Кажется, это я виновата... Я рассказала ему про Аар'Дайн. И назвала имя, что произносила Аса'ю.

– Имя? – удивился мастер Эттилор. – Не помню, чтобы ты писала об этом в дневнике. Что за имя?

– Может быть. Я тогда плохо соображала, – согласилась Кимри. – Мэнираи.

– Мьори¹⁵, смилуйся! – охнул наставник. – Он ведь считает её погибшей! Теперь я понимаю...

Мастер Эттилор нахмурился и некоторое время сосредоточенно размышлял о чём-то. Потом вдруг поднялся и позвал её, подходя к Малларену:

– Поди сюда.

Кимриналь подошла, вопросительно глядя на тайсомина. Тот кивнул на хашина:

– Что видишь?

– Искалеченную связь с... кем-то. Очень далеко. Не разорванную.

Мастер Эттилор вздохнул.

– Право, не знаю, радоваться этому или бояться. Впрочем, это всё старческое нытьё. А ты вот что... Полечи-ка его.

– Я? – удивилась Кимри. – Но вы же...

– Да, конечно. Но я хочу посмотреть, как лечишь ты. А ему лишним не будет.

¹⁵ **Мьори** – одна из Богов-Наставников, олицетворение милосердия, покровительница лекарей и меценатов, защитница нищих.

– Ну, хорошо.

Кимриналь прочитала заклинание лечения, уже привычно черпнув ладонями жизненных сил и мягко подтолкнув их в сторону спящего хаймина. Показалось ей, или в самом деле края прозрачного потока жизненной силы чуть зазолотились?

– Вот! – воскликнул мастер Эттилор так резко, что Кимри вздрогнула. – Ещё!

Она повторила заклинание и по наитию пожелала, чтобы золотого сияния стало больше. Получилось. Наставник снова возбуждённо ткнул пальцем в сторону потока заклинания:

– Вот же! Посмотри, что ты делаешь! Ты используешь *айя*! Посмотри на результат!

Кимриналь взглянула на болезненный узел. Призрак золотого свечения окутал серебряные нити, но Кимри всё ещё не могла поверить своим чувствам: что, если она всё придумывает и принимает желаемое за действительное? А даже если нет, что это даст?

Она повторила вопрос вслух.

– Не знаю! – воскликнул наставник с противоречащим смыслу ответа энтузиазмом и взял ученицу под локоть. – Пойдём, пусть отдыхает.

Они вернулись в кресла.

– Никогда не видел ничего подобного, – продолжил мастер Эттилор. – Нужно обязательно исследовать происходящее! Кажется, мы сделаем замечательное открытие.

Кимри, заразившись его воодушевлением, улыбнулась. Как было бы здорово, если бы её бестолковые эксперименты непонятно с чем принесли пользу!

2. Новые заклинания

«Вчерашний вечер у мастера Эттилора был непростым. Мы лечили мастера Эиши-Дана. Наставник заставил меня читать исцеляющее заклинание, потом сказал, что я использую вместе с жизненной силой – айя, и после долго рассуждал об этой третьей силе. Честно признаться, наставник увлёкся, и я мало что поняла из его размышлений. Потом он посадил меня за ан'тэй, проверял, не позабыла ли я то, что мы учили до экспедиции, остался доволен: перо теперь так легко скользит мне прямо в руки, и послание выходит хорошо.

Ещё я всё-таки спросила наставника о природе звука. И пока это не очень уложилось у меня в голове. Мастер Эттилор сказал, что звук – это такая же волна, как на воде. Частицы воздуха сжимаются, толкают следующие, и так эта волна сжатия-рассеивания движется дальше. Это и есть звук. Я спросила про туман, и наставник согласился, что идея Роддвара неплоха. Волны звука, сталкиваясь с каплями воды, теряют силу и гаснут. Но мастер Мислав считает, что можно придумать что-то ещё? Пока ума не приложу. Чем ещё можно остановить волны? Каким-то барьером? Отгородиться щитом? Не знаю...

После акробатики с Роддваром я забралась в купальню и битых полчаса наблюдала за волнами на воде. Лучшие всего

они пропадают среди множества других волн. Так же, как звук теряется в шуме. В этой мысли я чувствую какую-то идею, но всё никак не могу нащупать. Маскировать шум – ещё большим шумом? Это кажется глупым. Но какая-то мысль вертится совсем близко...

А ещё волну сбивает боковой волной, а звук – относит ветром... Хммм... А что, если... Надо пойти, рассказать Роддвару и подумать вместе!»

Поспешно влетев в столовую, Кимри сразу увидела, что северянин тоже продолжает экспериментировать с заглушением звука – вокруг стола археологов висело целое облако тумана, медленно стекающее на пол и расплзающееся.

– Как же ж тебя удержать-то?! – донеслось сквозь белёсую муть досадливое ворчание.

Кимри, захваченная своей идеей, присела рядом, не заметив, что стул влажен от тумана, и даже схватила Роддвара за рукав.

– Слушай! Я, кажется, придумала кое-что другое. Мастер Эттилор вчера объяснил мне, что такое звук. Смотри, частицы воздуха от давления сжимаются и передают это сжатие дальше. Получается волна: сжатие – разрежение, так? Чем чаще этот цикл повторяется, тем выше звук. Теперь смотри: если вклиниться в этот ритм, его можно сбить, тогда звук оборвётся, правильно? Как поставить преграду волне воды.

– Н-ну... – Роддвар какое-то время осмыслял выплеснув-

шуюся на него информацию, – допустим. И чем его... о!

– ...ветер! – воскликнули они в один голос.

– Точно, в сильную метель через улицу не докричишься, голос сносит, – согласился китадин¹⁶. – Только как его сделать?

– Вот и я пока не придумала. То есть, у меня есть какая-то смутная идея, но я никак её не уловлю.

Кимри задумалась, даже не заметив, как подошёл Эйно.

– Доброе утро. Что это вы без еды сидите?

– А, привет, – очнулся Роддвар. – Да запарились вчерашним заданием по Миражам. Пошли, притащим чего-нибудь.

– Придумала!

Кэриминка вскинулась, взмахнула руками – и от резкого порыва, ударившего с потолка, по столу разлетелись салфетки. Ученики за соседними столами обернулись с изумлёнными восклицаниями: ветер, отразившись от пола, ощутимо дунул по столовой.

– Круто! – одобрил Роддвар. – Надо теперь со звуками протестировать. Поедим – пошли на улицу!

От нетерпения они не столько поели, сколько спешно перекусили и, так и не дождавшись друзей-второшагов, поспешили на тренировочную площадку.

– Объясни, что ты сделала, – попросил Эйно.

¹⁶ **Китадины** – северные люди (имперск.), обитают в Северной провинции – Китано, белокожие, как правило русые или рыжеватые, с голубыми или серыми глазами, отличаются крепким телосложением и выносливостью.

– Резко увеличила вес части воздуха над собой. Это, конечно, Перемены, но не всё ли равно? Надо только теперь понять, насколько большую часть нужно утяжелять – чем выше столб, тем сильнее будет порыв ветра. Но, может быть, можно и более слабым обойтись, чем у меня сейчас получилось.

– Тогда ты стой здесь, говори что-нибудь и одновременно создавай порыв. А мы отойдём, допустим, шагов на пятьдесят и проверим, как слышно.

Спустя более получаса экспериментов площадка оказалась выметена так, что и песчинки на ней не отыскалось бы. Зато выяснилось, какой силы нужно заклинание, чтобы заглушить шёпот, речь вслух и – чтобы самого себя с ног сбить. На травоведение они благополучно опоздали.

В обед Кимри не утерпела и разыскала наставника, чтобы спросить, как себя чувствует мастер Эшши-Дан. Оказалось, он до сих пор спал, но мастер Эттилор уверил, что это очень хорошо, и велел непременно приходить вечером, чтобы продолжить занятия.

После короткой тренировки с *посланием*, мастер Эттилор попросил её сосредоточиться на силе *айя*, но обратить внимание не на нити, опутывающие её саму или кого-то другого, а на то, как эта сила существует вообще, вокруг. Однако, как Кимри ни старалась, всё, что она видела – это бесконечно разветвляющиеся переплетения разных оттенков. В какой-то миг вся комната показалась ей сверху донизу оплётённой и пронизанной этими нитями. Одни тянулись к ней,

другие – к наставнику и спящему хашину, прочие просто проходили мимо них, устремляясь за пределы видимости. Это было непонятно: она же как-то смогла передать часть этой силы вместе с лечащим заклинанием. Откуда-то ведь она её взяла? Из себя? Из тех нитей, что «принадлежат» ей?

Мастер Эттилор предложил снова попробовать исцеление, сохраняя сосредоточенность на *айя*. Получилось хоть сколько-нибудь отчётливо только с третьего раза. Но Кимри снова не поняла, что именно сделала. Золотое сияние появилось в потоке жизненной силы словно само собой, ниоткуда...

Зато Малларен от тройной дозы смешанного заклинания проснулся, сел и обвёл комнату ясным и трезвым взглядом. Несколько секунд размышлял, потом, видимо, вспомнил, почему здесь оказался, и коротко пожелал тайсомину и его ученице доброго вечера. Осмотрев хашина, мастер Эттилор удовлетворённо кивнул и позволил ему вернуться в свои покои, но настоял, чтобы он ещё два дня непременно отдыхал. Мастер Эшши-Дан молча кивнул и также молча покинул комнату.

– Неисправим, – недовольно проворчал мастер Эттилор. – Ведь прекрасно понял, кому обязан столь быстрым восстановлением!

Кимри покачала головой:

– Пусть. Я рада, что ему лучше.

– Ему было бы ещё лучше, научись он благодарить, –

не согласился наставник. – Благодарность тоже целительна.

Но Кимриналь снова возразила:

– То, что я сделала, не сильно помогло. Я не починила то, что сломано. Может быть, дала сил терпеть это, но вряд ли надолго... Могу ли я спросить? Что вы знаете о Мэнираи?

Мастер Эттилор вздохнул, усаживаясь в кресло и кивнув ученице на другое.

– Немного. Одна из тысяч трагических историй Гнева Баарота¹⁷. Она была дай'хэ¹⁸ племени Эшши, Малларен – простой торговец книгами. За четыре года до Гнева в племени произошёл раскол, две противоборствующие группы практически уничтожили друг друга. Оставшаяся часть племени, устав от распрей и кровопролития, решила избрать хашином не воина, как следовало по традиции, а представителя более мирной профессии: им стал Эшши-Дан. Я не знаю, насколько близкими и долгими были их отношения с Мэнираи, да и были ли они вообще. У меня, признаться, сложилось впечатление, что Малларен ни словом не обмолвился о своих чувствах. Но очевидно, что дай'хэ много значила для него. Когда началось извержение, он находился на западном побережье, в Хотхо'Шаде, а Мэнираи – в Аар'Дайне. Малларен рвался ехать за ней туда, но его практически силой посадили

¹⁷ **Гнев Баарота** – извержение самого крупного вулкана Северного Хайно – Дома Баарота, приведшее к огромным жертвам и разрушениям; причиной извержения считается неудачный эксперимент магов клана Араннен.

¹⁸ **Дай'хэ** – самоназвание шаманок в племенах хайминов.

на спешно отплывающий корабль: это было единственно разумным решением. Аар'Дайн – один из ближайших к Дому Баарота городов. От него наверняка ничего осталось в первые же часы...

– Это ужасно!

– Да, дорогая, – тайсомин печально кивнул. – Малларена вместе со многими пострадавшими привезли сначала в Шокудай, но он слёг ещё на корабле и был слишком плох. Тамошние лекари почли за лучшее перевезти его в Тэйто.

– Но что с ним было? Он ведь пострадал не от извержения?

– Именно так. Целители разводили руками: на нём не было ни царапины, ни ожога, но он был почти всё время без сознания, в жару и бреду. Конечно, случаев, когда пережившие катастрофу теряли рассудок, встречалось немало. Но эти бедняги, как правило, были не опасны, скорее заторможены, чем возбуждены, могли плакать или часами сидеть, раскачиваясь и глядя в стену. Малларена же всё время приходилось опаивать усыпляющими зельями, потому что иначе он дико кричал, буйствовал и куда-то рвался. Я увидел его впервые спустя месяца два. Многие целители в тот год поехали в столицу и другие восточные города, чтобы помогать беженцам: слишком ужасно было случившееся, чтобы можно было равнодушно взирать, ничего не делая... Словом, я смог понемногу вывести Малларена из сна, научив непрерывной медитации. Это позволило справиться с тем, что подкосило его,

и вернуться к более-менее нормальной жизни. Хотя, честно тебе признаюсь, я так до сих пор и не разобрался до конца, что с ним произошло. Расспрашивать его о подробностях и точных симптомах, сама понимаешь, дело непростое...

Кимри вспомнила пугающую судорогу, сковавшую всё её тело, когда она по глупости подстроилась к хащину. И тень боли, коснувшуюся её разума. Представить только, каково жить в *этом* – полностью, ежедневно... Агония. Настоящий ужас.

Кимриналь содрогнулась и обхватила себя руками, подумав, что сама не пережила бы такого. Даже бессилие и апатия, в которые погрузило её заклинание Айралора, не казались теперь столь ужасными в сравнении... Но почему? Что сделалось с Маллареном?

Кимри спросила наставника:

– Скажите, а бывали ещё похожие случаи?

Мастер Эттилор покачал головой:

– Я не встречал больше ни одного и не слышал ни о чём подобном. Я понимаю, о чём ты думаешь: многие в тот год пережили страшные потери, люди лишились дома, близких, любимых. Многих я также лечил и наблюдал все эти годы. Ничего подобного я больше не видел, и так до сих пор и не понял причины.

Кимри задумалась. А что вообще происходит с нитями, когда человек теряет кого-то? Может быть, если посмотреть и сравнить, как это у других, стало бы ясно, чем оно отлича-

ется от состояния хашина? Правда, не понятно, как это сделать... Вот, если взглянуть на мастера Эттилора – его опутывает такая густая паутина, что разобраться, какие из нитей тянутся прочь, а какие оборваны (ведь ему немало лет, и он пережил не одну потерю) кажется совершенно безнадёжной идеей. Словом, Кимриналь решила пока оставить эти размышления при себе.

3. Эхо смеха

Серый сумрак. Ни теней, ни полутонов. Пепельная муть. Глуховатый звон-перестук глиняных колокольцев звучит так знакомо...

Шёпот, едва различимое бормотание.

Неприятный, сухой и жёсткий, стук. Словно кто-то, бесшумно шагая, ударяет деревянным посохом о камни.

Ритмично.

Неумолимо.

Стук приближается, и голос бормочет всё громче, быстрее, отчаяннее, словно хочет заговорить невидимо шагающего, заставить уйти.

Но стук всё ближе, громче.

Бормотание захлёбывается и – срывается в крик, женский задыхающийся крик-крик-крик! Словно у несчастной перехватывает дыхание, и она может лишь коротко выталкивать эти сдавленные пронзительные вскрики сквозь стиснутое спазмами горло, со всхлипом втягивать немного воздуха – и снова крик-крик-крик!..

Посох стучит всё громче, эхо множит резкий звук, он смеивается, искажается, становится всё более странным, пока не превращается в безумный...

...ХОХОТ!

Внезапная тишина...

Шелест,

шелест,

*шелест, вызывающий в памяти рассыпающиеся
хлопья пепла...*

Колокольцы.

Бормотание.

Посох.

Снова громче,

г р о м ч е,

ГРОМЧЕ!

Токк-то-хо-хо-хэ-ха-ха-ха!

Токк-то-хо-хо-хэ-ха-ха-ха!

Эхо бьётся в уши, раздирая барабанные перепонки, вонзается в мозг, в спину, пронизывает до пят ужасом и безумием.

Крик! Долгий, мучительный, до последней капли воздуха в лёгких, до болезненного невыносимого хрипааааааааахххххх...

Кимри вскинулась в постели, задыхаясь, и несколько секунд невидяще смотрела перед собой. Темнота вокруг стала другой, сгустилась, задышала покоем и жизнью: кто-то сопит во сне, древоточец скрипит в ногах кровати, за окном шелестят на ветру листья. Промокшая от холодного пота рубашка неприятно прилипла к спине, а влажные волосы – к шее и лбу. Кимри закрыла руками залитое потом лицо и нервно всхлипнула, но по-настоящему расплакаться так и не полу-

чилось.

Опомнившись, она зажгла свечу, переделалась и села к столу; открыла дневник, но так и не смогла записать ни строчки.

За окном ещё совсем темно. Все спят. А ей после пережитого кошмара даже подходить к постели тошно. И в маленькой комнатухе тесно и душно. Кимри задула свечу, тихо раздвинула створки ширмы, на цыпочках выбралась из спальни, нерешительно постояв на площадке, спустилась по лестнице вниз и вышла на двор. Ночной воздух приятно освежил. Головокружительно пахло сиренью. Какая-то птаха в саду заливисто распевала весеннюю песнь.

Кимриналь прошла мимо тренировочных площадок и, выйдя за ворота, привычно свернула к лестнице на раскопки. Над озером всходил, угрюмо лиловея, *Ото*¹⁹. Кимри поднялась на площадку у входа, остановилась, глядя на мрачную луну, и не заметила тёмного силуэта, почти слившегося со стеной. Раздавшийся вдруг прямо над головой голос заставил кэриминку откровенно шарахнуться, стукнувшись боком о перила.

– Вы-то что здесь делаете?

Тень отделилась от стены, превращаясь в знакомую фигуру хашина, закутанную в тонкий тёмный плащ. Кимри не нашлась, что ответить, и только в неожиданном ознобе нервно дёрнула плечами. Хотела, было, извиниться, да вовремя вспомнила, что его это раздражает.

¹⁹ *Ото* – одна из трёх лун мира Оодай, самая крупная, лиловая – Отец.

– Мне... приснилось... – попыталась она ответить, но тут же поняла, что не может и не хочет облекать в слова то, что увидела, и смолкла, снова содрогнувшись.

Малларен перевёл взгляд с ученицы обратно на восходящего, понемногу светлеющего Отца. Потом резко отвёл в сторону руку, откидывая полу плаща, и позвал с угрюмой заботой:

– Подите сюда...

Кимри, не успев задуматься, покорно шагнула к нему. Хашин обнял кэриминку, окутав плащом. С полминуты она стояла, притиснув руки к груди, ошеломлённая и растерянная, боясь пошевелиться. А потом весь ужас пережитого дикого сна вдруг нахлынул на неё с новой силой. И как же оказалось хорошо, что он настиг её не в одиночестве! Кимри всхлипнула, неловко прижалась к горячему боку хаймина, обхватила его руками и беззвучно заплакала. Усталость, отчаяние, острая жалость к себе охватили её. Зачем на неё свалилось всё это? Странное, необъяснимое, страшное. Все эти кошмарные истории про Гнев Баарота, это горе и ужас, эти дикие сны...

Малларен молча обнимал её. А когда Кимри, выплакавшись, притихла, вдруг сказал:

– Спасибо.

Она, всё ещё не расцепив рук, пробормотала смущённо:

– За что?

– За то, что нашли в себе силы перестать бояться меня.

Кимриналь удивлённо подняла голову, снизу вверх вглядываясь в его лицо, но привычка скрывать эмоции всё ещё не изменила хащину, разве что губы едва заметно нервно кривились.

– Я вполне сознаю, какое впечатление произвожу на окружающих, – продолжил он. – И по большей части меня это устраивает. Но...

Малларен вдруг посмотрел прямо ей в лицо и – улыбнулся. Улыбка вышла печальной, но глаза потеплели, и всё лицо изменилось до неузнаваемости.

– ...но сейчас я вдруг понял, как давно не был ни к кому добр. И никому не позволял быть добрым ко мне. И как мне этого не хватало.

Он произнёс это почти шёпотом, непривычно мягко, без обычной резкости, и Кимриналь вдруг узнала это щемящее чувство, пронзившее её до глубины души. Это – тень того Малларена, каким он мог бы быть, если бы... Если бы только!.. Кимри судорожно вдохнула и, снова уткнувшись лицом в рубашку хащина, крепко-крепко стиснула его руками, не особо задумываясь, как он это истолкует. Малларен вздохнул, прижал её к себе и ненадолго закрыл глаза. Потом мягко отстранил и, держа за плечи, сказал:

– Мне жаль, что Боги-Хозяева втянули тебя в свои игры. Завтра я, конечно, буду делать вид, что этого разговора никогда не было, – хащин иронически усмехнулся, – но главное, что тебе нужно запомнить: я постараюсь оказать тебе

любую помощь, какая только понадобится. Поняла?

Кимри молча кивнула, вглядываясь в его лицо и стараясь как можно лучше запомнить, но не его слова, а всё ещё не угасшее выражение смягчившихся черт. Запомнить, чтобы знать, ради чего собирается продолжать идти по выпавшему ей странному и порой откровенно страшному пути.

– Хорошо, – кивнул Малларен, мягко отстраняя ученицу и окончательно становясь прежним собой, мрачным и слегка раздражённым. – А теперь – марш отсюда. Не хватало только идиотских сплетен на пустом месте.

Кимри не сразу сообразила, что он имеет в виду, а когда до неё дошло – вспыхнула, почти скатилась с лестницы и рванула прочь, правда, не в Кадай, а к развалинам дозорной башни у озера, где и просидела до рассвета.

Заниматься акробатикой после столь странного утра сил не было вовсе, так что Кимриналь, ловко избежав встречи с Роддваром, первой оказалась в столовой: за столами было ещё пусто, повара заканчивали готовку. Кимри просидела так с полчаса, бездумно глядя в окно. Вместе с первыми учениками появилась Лиснетта и, непривычно молчаливая, села рядом. Кэриминка некоторое время рассматривала унылую мордашку рыжей, потом вздохнула и велела:

– Ну, рассказывай.

Ринминка шмыгнула носом, опустив голову пониже, помолчала ещё немного и вдруг выпалила:

– Ким, ну, поговори с ним, пожалуйста! Ну, я уже не могу

так, он всё время меня избегает, разговаривать не хочет, объяснять ничего не хочет! Вообще, делает вид, будто и не было ничего! Чурбан кедровый!

Ринминка всхлипнула и разревелась, уронив голову на сложенные руки.

– Аса'ю-Мать... – вздохнула Кимри виновато. – Прости, я должна была раньше заметить.

Лиснетта возмущённо вскинулась, рассерженно утираясь: – Да ничего ты не должна! Как будто тебе дел мало, кроме как наши страсти-мордасти разгребать. Просто я... – рыжая, похоже, смутилась, но закончила фразу, – ...я не знаю уже, как к нему пробиться. А тебя он вроде слушает. Рин-Рин, ну вот я не понимаю вообще – почему?! Если я его обидела, мог бы и сказать!

Кимриналь покачала головой:

– Лис, не в этом дело. Он просто решил, что теперь быть возле него опасно. Из-за берсеркра. Помнишь, как тебя осколками поранило, когда он, не глядя, по стенке шаракнул? Он потом чуть не рехнулся из-за этого...

Рыжая вытаращила глаза:

– Да ладно! Что, правда? Опять?!!

– Скорее всего. Наверное, снова накрутил себя мрачными мыслями.

– Вот ума сундук – ключи пропали!

Кимри развела руками и поднялась:

– Пойду, скажу ему ещё раз, какой он балда.

– Нет, стой! Он же, наверное, тренируется, как всегда? Я сама! Ключей ему сейчас пропишу!

И ринминку как ветром сдуло, только рыжие космы взметнулись.

– Куда это ррыжая так понеслась? – удивился подошедший Шахарро, которого Лис даже не заметила.

Кимри невольно улыбнулась:

– Да... решила Роддвару ключей прописать.

– Аа... – глубокомысленно протянул хёдин, понимающе кивнув. – Приидёт весь нараспашку? Ждём-ждём. А ты чего бледнее Заблудшего Дитя²⁰? Опять заболела?

Кэриминка вздохнула:

– Нет. Просто дурно спала...

Шахарро посмотрел на неё, ожидая, не последует ли продолжение, но Кимри молчала. Хёдин досадливо вздёрнул хвост и уложил его себе на колени.

– Шшто-то я всё больше чувствую себя не у дел, – проворкотал он словно бы сам себе.

– Почему?

Котолюд передёрнулся, шерсть на загривке поднялась и улеглась обратно.

– Потому шшто. Всем нашлось занятие, интерес, цель. А я сiju – не пришей Дар'мотто хвост.

²⁰ **Заблудшее Дитя** – Легенда о Томо, Луне-ребёнке, которого заманил в свой Удел Бог-Хозяин Анкун; блуждая там, Томо бледнел и истончался, и едва совсем не истаял.

– А как же Орден Мэгуми?

– Н-ну... да, – без особой уверенности протянул хёдин. – Только не понятно, с какого места за это браться.

– Ничего, скоро мастер Эшши-Дан выздоровеет, и посоветуешься с ним.

– Пожалуй. Спасибо. Пойду потренируюсь перед лекциями. С проклятыми искрами одни проблемы: летят, куда попало, шшерсть после них дыбом и всякая дрянь липнет...

Кимри сочувственно погладила уходящего хёдина по рукаву и улыбнулась подошедшему Эйно. За прошедшие два дня они почти не общались, разве что, пока придумывали заклинание вместе с Роддваром, и кэриминка призналась себе, что успела соскучиться по разговорам наедине.

– Доброе утро. Смотри! – Даррис положил на стол перед Кимри знакомый растрёпанный дневник Итто Генбу. – Встретил мастера Эшши-Дана, и он отдал его, чтобы мы всё расшифровали!

– Здорово! – искренне обрадовалась Кимриналь.

Однако лицо Эйно в этот момент вдруг вытянулось и так сильно побледнело, что она поспешила обернуться.

Непостижимо! В столовую вошёл... Айралор!

4. Страх и ярость

Айралор Торайни вошёл в столовую удивительно невозмутимо, словно бы и не пробыл всё это время в тюрьме Рикухэй. Да и был ли он там? Тайсомин выглядел самую малость осунувшимся, но был более прежнего преисполнен высокомерия. Одетый подчёркнуто роскошно, как никогда раньше, он сильно выделялся на фоне остальных учеников, носивших повседневные рабочие робы неброских цветов. Двойняшки радостно бросились ему навстречу, и Айралор, снисходительно уселся за их стол, так и не заметив молча взиравших на него кэриминов.

Эйно выглядел изумлённым и разгневанным. Кимри вполне разделяла его чувства, но страх в её душе оказался сильнее остальных эмоций. Что будет, когда Айралор увидит их, когда поймёт, что его попытка навредить им не удалась? Не захочет ли повторить своё отвратительное заклинание? А она даже не задумывалась о такой возможности и понятия не имеет, как защититься!

Кимри робко потянула Эйно за рукав и хотела попросить его уйти потихоньку, незамеченными. Но тут в столовую ввалился Роддвар, раздражённый и встрёпанный после, видимо, непростого разговора с Лиснеттой. Увидев прямо перед собой, напротив входа, вызывающе разодетую фигуру Айралора, северянин на несколько секунд остановился, ошарашен-

но вытаращив глаза. Тайсомин встретился с ним взглядом и нагло улыбнулся, всем своим видом говоря, мол, а что, вы ожидали, будто рикухэйские шавки могут что-то сделать сыну почтеннейшего рода из независимого с нынешнего года государства Аттарен?

Роддвар хрипло выдохнул нечто неудобосказуемое и прыгнул так стремительно, что Кимри в очередной раз подивилась, как это возможно при таком мощном сложении. Двойняшки с визгом брызнули в стороны, с грохотом роня стулья. Айралор тоже вскочил и, прекрасно понимая, что в рукопашной громадному китадину не соперник, окутал себя защитным заклинанием: вокруг него задрожало мадрево щита, сухо потрескивающего разрядами молний. Роддвар, не обратив на щит внимания, толкнул Айралора в грудь и, конечно, получил чувствительный разряд. Северянина встряхнуло и отбросило на шаг. Кимри думала, Айралор скроется, пользуясь заминкой, но взглянула на лицо тайсомина и ощутила, как по спине хлынул озноб. Айралор остался стоять в расслабленной позе, опустив руки, и с неприкрытым любопытством наблюдал за соперником, словно бы проводил некий эксперимент в безумной лаборатории. Роддвар, придя в себя, окончательно взбесился, схватил подвернувшийся под руку стул и метнул в едва ли не улыбающегося наглеца. Тот почти лениво вытянул вперёд руку и оглушительно грохнувшим разрядом молнии разнёс стул в щепки. Роддвар швырнул следом второй стул – тот так же разлетел-

ся.

В столовой поднялась паника. Кто-то шархнулся к выходу, кому-то из старших хватило ума и храбрости вцепиться в яростно ревущего громилу-китадина и попытаться оттащить его от ненормального эльфа-второшага. Глядя на искажённое лицо Роддвара, Кимри с ужасом осознала, что он снова впал в неконтролируемую ярость. Двинув плечами, северянин легко скинул четверых учеников, подхватил тяжёлый дубовый стол и, бешено скалясь, ломанулся на Айралора. Лицо тайсомина скривило не менее неуместное в этой ситуации выражение досады. Он поджёг стол *огненным клубком* и стал медленно отступать, уворачиваясь от целящих прямо ему в лицо загоревшихся ножек.

Вбежали учителя. Мастер Агнэ попытался что-то втолковать Роддвару, но тот отпихнул и наставника. Кто-то швырнул в бешеного северянина заклинанием успокоения. Он встряхнул головой и приостановился. Этого хватило, чтобы на его плечах снова повисло несколько старших учеников. Кто-то додумался притащить кувшин воды и щедро плеснул китадину в лицо. В этой сумятице Айралор спокойно, даже лениво, развернулся и вышел из столовой.

Когда старший эльф исчез, с Кимри словно слетело заклинание *столбняка*. Она опомнилась и бросилась вызволять Роддвара, бесстрашно раздвинув толпу рассерженных учеников и учителей. Схватив обеими руками его голову, Кимри заставила северянина смотреть себе прямо в лицо и тихо

сказала:

– Брат. Пожалуйста, успокойся. Слышишь?

Где там эта странная третья сила? Умеет она успокаивать невменяемых братьев, бьющихся за обиженную сестру? Самое время...

Несколько долгих секунд Роддвар таращился на неё жуткими, белыми от ярости глазами. Но вот зрачки медленно расширились, лицо перекосило болезненной судорогой. Северянин замер, уже осознанно глядя в умоляющие лиловые глаза названной сестры, потом освободился из её ладоней, поднял руки и глухо выговорил:

– Всё. Ладно. Пустите.

Руки державших опасно разжались, Роддвар окинул всех виноватым взглядом, буркнул: «Извините», – развернулся и, тяжело, но быстро шагая, вышел прочь. Кимри переглянулась с Эйно. Даррис чуть заметно кивнул в сторону ушедшего друга, и кэриминка бросилась следом. В спальне Роддвара не оказалось. Кимриналь выбежала на двор и увидела, что брат-северянин выходит за ворота.

Она догнала Роддвара только у самого подножия холма, в знакомой осиновой роце. Заслышав шаги, северянин недовольно обернулся, но увидел Кимри и ничего не сказал. Уселся на так и лежащее с прошлого раза брёвнышко, поворошил ногой остатки углей, почти смешавшиеся за полтора месяца с землёй. Кэриминка села рядом, восстанавливая дыхание.

Когда пауза затянулась, Кимри тронула его за плечо и попросила:

– Скажи что-нибудь...

Роддвар покосился на неё, недовольно, почти сердито скривился и молча запустил в угли пару *огненных клубков*. Гореть было нечему. Поднявшись, северянин стал собирать сухие ветки вокруг.

– Ты что, злишься на меня? – удивилась Кимри.

Роддвар, не ответив, даже не оглянувшись, продолжил сооружать костёр. Когда же Кимриналь собралась снова что-то сказать – обернулся резко и выговорил сквозь зубы:

– Ушла бы ты...

– Но...

– Уйди! – он приблизился, угрожающе нависнув над хрупкой кэриминкой. – Праматерью *Химлен*²¹ тебя молю!

Это оказалось неожиданно больно. Кимри, конечно, понимала, что Роддвар вряд ли может ей навредить. Но и того, как он сейчас отталкивает её, хватило, чтобы что-то болезненно натянулось и тонко, пронзительно зазвенело возле самого сердца. Кимри безотчётно стиснула руки, прижатые к груди, и зажмурилась на несколько секунд, не в силах подняться на ослабших вдруг ногах. Роддвар шумно выдохнул, швырнул обломок палки в кострище, развалив недособранный шатёр, повернулся и зашагал прочь, напролом сквозь

²¹ **Химлен** – китадинское имя одной из Богов-Наставников – Карари; изображение неба, чистоты и совершенства.

кусты. Кимри осталась сидеть под осиною.

Она прождала целый час, пропустив лекцию по Пути Духа. Завидев издали кэриминку на прежнем месте, Роддвар приостановился, но, видимо, понял, что разговора избежать не удастся, и всё-таки подошёл. Посмотрел на рассыпанные палки, собрал-таки и разжёл костёр. Буркнул:

– Ну? Чего тебе?

Кимри обиженно вскинула брови и ответила:

– Объяснений. За что ты сердишься на меня?

Роддвар хмыкнул, скривившись язвительно, мол, будто сама не знаешь. Но кэриминка ждала ответа. Северянин отвернулся, яростно втыкая в землю обломок ветки, и выговорил:

– На кой грибберов²² зад ты ей сказала?

Кимриналь несколько секунд растерянно хлопала глазами, и только тут до неё дошло, что всё это безумие из-за того разговора Лис за завтраком.

– Ну, во-первых, потому что она имеет право ожидать от тебя честности, – ответила Кимри, собравшись с духом. – Знаешь, я прямо сейчас очень ясно поняла, каково ей было все эти дни. Ты замолкаешь, отворачиваешься, злишься ни с того ни с сего и ничего не объясняешь. Остаётся мучиться и сходить с ума от непонимания, что же я такого натворила.

²² **Гриббер** – род нежити, питается мертвечиной, но, если голоден, может напасть и на живого; обитают преимущественно в Китано, селятся в заброшенных склепах.

Ни я, ни она не заслуживаем этого.

Роддвар насупился, продолжая дырявить землю между ними.

– Может быть. Но я ж знаю, что вам ни гриббера лысого не втолкуешь!

Кимри беззвучно выдохнула, даже почти улыбнулась, радуясь, что упрямый братишка наконец-то разговаривает, и согласилась:

– Конечно. Потому что, во-вторых, я правда считаю, что ты не должен оставаться один.

Роддвар вскинулся, собираясь возражать, но Кимри, по привычке внутренне сжимаясь от собственной дерзости, остановила его:

– Помолчи, пожалуйста! Я хочу договорить! Хотя, нет. Ответь мне на один вопрос: ты был счастлив в последние недели?

Роддвар моргнул и даже зубами клацнул:

– Издеваешься?!

– Нет, – ответила Кимриналь совершенно серьёзно. – Хочу услышать твой ответ.

Северянин разъярённо воткнул палку глубже прежнего и не без труда выдернул.

– Ну, да! У меня берсеркр, с сестрёнкой не пойми что творится, друг рядом с ней еле дышит, Лис... – Он изобразил саркастическую улыбку. – Такое, к шитцу²³, счастье!

²³ **Шитцу** – неприятного вида карлик, хромой, но очень проворный, прислуж-

Кимри кивнула:

– Я понимаю. А теперь слушай. Знаешь, что сказал мне мастер Эттилор, когда меня начало уносить в чужие реальности? Мне нужен якорь. И ты – мой якорь. И Лис, и Шахарро, Эйно, мастер... – она чуть не сказала «Эшши-Дан», но поспешно поправилась, – мастер Эттилор. Понимаешь, о чём я? То, что со мной происходит, может навредить кому-то из вас – несомненно. Уже навредило: Эйно пострадал – из-за меня, это на меня взбесился Айралор, потому что это я ему помешала украсть Щит Благословения! Мне нужно было всё бросить, убежать и жить в пещере?!

Роддвар молча сопел, перестав дырявить землю.

– Я читала в одной книге историю о непревзойдённом воине, наёмном убийце невероятного мастерства. Ему не нравилось лишать жизни, но он не знал, как иначе защитить людей, он сумел только выбрать одну сторону в жестокой войне и убивать. Тогда один мудрый человек сказал: каждому мечу нужны ножны. Когда этот воин повстречал ту, что приняла и поняла его – он смог остановиться и жить в мире.

Кимри помолчала, глядя на задумавшегося брата. Потом добавила:

– И да... Ты, может быть, не помнишь, но там, в форте Уноядо, именно Лиснетта вывела тебя из транса. Больше никто не смог, даже мастер Эшши-Дан. Так что не рассказывай мне, пожалуйста, будто вёл себя «разумно, предусмотр-

рительно и заботливо» по отношению к ней.

Роддвар вздохнул, сломал многострадальную палку о колено и бросил в огонь.

– Якорь... ножны... – пробормотал он неуверенно. – Может, ты и права...

Кимриналь покачала головой и усмехнулась:

– Ты не представляешь, насколько странно то, что именно мне приходится объяснять тебе такие вещи. Я не знала, что такое забота, до одиннадцати лет. Я не знала, что такое дружба – до шестнадцати. И теперь, узнав, я понимаю, что в чём-то такая жизнь была проще. Но я понимаю и то, что нельзя быть неблагодарной. Мастер Эттилор говорит: благодарность целительна. И он прав. Я чувствую это, и не только умом, но и теми странными знаниями, ощущениями, что на меня свалились в последнее время. Словами не передать, насколько мне теперь страшно – видеть, как хрупки тонкие нити, связывающие нас, как сокрушительно малейшее натяжение. Только задумайся: ты пытался проделать с Лис то, что Айралор сделал с нами!

Роддвар от неожиданности отшатнулся и судорожно вдохнул, уставившись на кэриминку в ужасе.

– Ким!..

Она жалобно улыбнулась сквозь набежавшие слёзы:

– Прости. Я должна была это сказать. Потому что это так.

И лучше – знать.

– Праматерь Химлен...

– Если честно, я сама это только что поняла. Но ты ведь помиришься с ней?

Кимри умоляюще заглянула северянину в лицо. Он, всё ещё осмысляя услышанное, нервно повёл плечами, потом обнял сестрёнку и пообещал, сам не замечая, сколько облегчения в его голосе:

– Да, конечно!

В замок Кадая они вернулись вместе, едва успев на урок Пути Жизни. После него и лекции по травоведению, Кимри осознала, что ей откровенно страшно идти на обед. Роддвар пообещал игнорировать тайсомина, но мрачнел с каждым шагом по коридору. Эйно казался, как обычно, невозмутимым, но Кимриналь чувствовала, что и он напряжён.

Почти у самой столовой их догнала Лиснетта, вклинилась между кэриминкой и северянином, повисла у него на руке и принялась расспрашивать об утренней стычке, кажется, не замечая, что Роддвар отвечает неохотно и скупо. В обеденный зал соклубники вошли все вместе – хёдин успел присоединиться к ним практически на пороге.

Айралор восседал за столом в компании Двойняшек и тайсоминов, кажется, со всего второго шага. Сумрачно-настороженную группу археологов он едва удостоил взгляда вскользь.

Взяв еды в кормушке, друзья уселись и тоже попытались сделать вид, будто всё как обычно. Эйно раскрыл дневник

Хэйши²⁴ и тут с удивлением обнаружил заложенный между страниц конверт, подписанный одним только именем: «Кимриналь». Кимри, недоумевая, вскрыла послание, и на стол скользнул хитро сплетённый из тонких кожаных шнуров изящный амулет. Лиснетта восхищённо ахнула, а Роддвар присвистнул. Амулет оказался зачарован весьма сильным заклинанием защиты от магии, скрытым в глиняной бусине над узлом кисточки.

– Это хашин такое сотворил? – выразил вслух общее изумление Шахарро.

Эйно пожал плечами и сказал лишь, обращаясь к Кимри: – Думаю, тебе стоит его носить.

Кэриминка кивнула, живо припоминая странный ночной разговор с Маллареном и обещание помощи. Завязывая на шее шнурок, она пыталась справиться с целым букетом накативших эмоций: смущением, неловкостью, радостью, нежностью, благодарностью... Эйно, наблюдавший за ней искоса, едва заметно улыбнулся, встретив её взгляд, словно показывая, что понимает смятение Кимри, так же, как и желание не выставлять его на всеобщее обозрение. Чтобы отвлечь от неё внимание, Даррис достал свиток, на котором были выписаны все руны и обозначено, каким буквам они соответствуют. Похоже, он уже успел выучить большую часть шифра, потому что принялся довольно споро разбирать первую запись в дневнике, лишь изредка заглядывая

²⁴ **Хэйши** – солдат, воин Рикухэй.

В ключ.

Речь шла о поимке контрабандистов, засевших в пещере «с непроезжимым местным названием», к югу от порта Калма'Рин. Отряд хэйши привёз троих уцелевших бандитов, которых следовало допросить и переправить в тюрьму, и целый обоз конфискованных товаров. А кроме того – двоих экидинов и пятерых хёдинов, закованных в рабские колодки. Итто Генбу писал о необходимости отправить посылочного к связному ордена Мэгуми, чтобы переправить похищенных на родину.

– Вот! – обрадовалась Лиснетта, дёргая хёдина за рукав. – А ты говорил, записей не найти!

Шахарро, впрочем, лишь скептически хмыкнул.

– Слушай, а может, нужно в архивах Рикухэй искать? – оживился Роддвар. – Узнал же этот... – северянин скривился в сторону витийствовавшего за своим столом Айралора, – куда Щит Благословения перевезли. Может, и про рабов записи вели?

– Если помнишь, туда мастерра Эшши-Дана не допустили. С чего ты взял, што нас пустят? – проворчал хёдин.

– Ну... про нас тогда ничего не знали. А теперь мы знакомы с тайи Когараша и его отрядом, – напомнила Кимри. – Мне кажется, стоит попытаться!

– Давайте обсудим с мастером Эшши-Даном и, если он не будет против, сходим туда в выходные, – поддержал Эино.

– Хорошо, – сдался Шахарро и поднялся из-за стола. –

Всё, я к наставнику. До вечерра.

Кимри проводила хёдина озабоченным взглядом и заметила, что он притормозил у стола тайсоминов. Айралор сказал ему негромко несколько слов, от которых у Шахаро вздыбился загривок, а хвост нервно хлестнул по коленям. Оскалившись, хёдин прошипел что-то в ответ и вышел прочь.

5. Очищение

Едва войдя в учительский жилой сектор, Кимри услышала резкий голос мастера Эшши-Дана, отвечающий несколькими другим. Кажется, учителя спорили не на шутку. Кимриналь хотела незаметно проскользнуть мимо залы отдыха, где они собрались, но мастер Олквати заметил ученицу, схватил за руку и буквально втащил в центр распалённого кружка.

– Вот! Очень удачно – одна из вашего клуба! Ну-ка, расскажите нам, не из-за ваших ли раскопок случился обвал, в котором вы все могли погибнуть?

– Не бойся, – «подбодрил» незнакомый учитель, – тебя никто не накажет за правду.

Кэриминка взглянула искоса на хашина: он стоял с обыкновенным для него каменным и чуть презрительным выражением лица. Но не много фантазии нужно было, чтобы по тону заданного вопроса понять: учителя в очередной раз пытаются найти причину закрыть археологический клуб и намерены сейчас манипулировать ею в свою пользу! От этой мысли Кимри охватила нервная дрожь.

– Да, – ответила она заметно громче, чем обыкновенно, – но если бы Совет...

Она хотела добавить: «Если бы Совет вовремя выделил средства на установку опор, этого бы не случилось», – однако мастер Олквати перебил её.

– Прекрасно! – воскликнул он саркастически, взглядом призывая окружающих в свидетели своей правоты. – А потом, во время так называемой «экспедиции», он заставил вас сражаться с нечистью, приказав солдатам Рикухэй не вмешиваться, не так ли? И кому-то из учеников стало дурно!

– Да, но это никак не связано...

Её снова перебили.

– А потом вас, неопытных первошагов, потащили зачищать от некромантов форт!

Кимри стиснула зубы, выдернула рукав из пальцев тайсомина и, безотчётно отступив на шаг ближе к хашину, выпалила возмущённо:

– Мы сами этого захотели!

– Неужели?! – язвительно отозвался мастер Олквар. – А той непонятной болезни, что на несколько недель подкосила двоих учеников, вы тоже хотели сами?

– Нас околдовал Айралор, а не мастер Эшши-Дан! Вы нарочно всё переиначиваете, это... отвратительно!

– А... как мило, – сардонически скривился тайсомин, обращаясь к остальным учителям. – Хаймину удалось настоящее чудо! Он вызвал чью-то симпатию!

Давно привычное название расы пепельных эльфов прозвучало в устах тайсомина практически ругательством. Кимри почувствовала, что у неё темнеет в глазах от ярости, и готова была уже совершить что-нибудь необдуманное – например, грохнуть в пол хорошим *огненным клубком*, чтобы

сбить спесь с этих надменных комнатных жуков. Но почувствовала на плече сухую горячую ладонь и опомнилась. Хашин мягко отодвинул ученицу в сторону и холодно объявил:

– Если у Совета Кадая есть вопросы относительно моего доклада об экспедиции, я с удовольствием на них отвечу на официальном собрании. До тех пор вам, господа, придётся довольствоваться собственными фантазиями. В которых вы, впрочем, весьма преуспели. Доброй ночи.

Не отпуская плеча Кимри, Малларен покинул зал отдыха и довёл ученицу прямо до двери комнаты наставника. Пару секунд он, приподняв бровь, изучал лицо кэриминки, уже порастерявшей гневный пыл.

– Извините... – пробормотала она, глядя в пол. – Мне, наверное, стоило помолчать... Получилось только хуже...

Хашин слабо кивнул, хотя лицо его выражало скорее тень задумчивости, чем недовольства: дёрнулись брови, чуть сузились веки, дрогнули уголки рта. Помолчав, он мягко подтолкнул ученицу к двери и сказал, едва разжимая губы:

– Занимайтесь своим делом. С моим я справлюсь.

– Пойдите! – опомнившись, окликнула Кимри уже ему в спину. – Вы разве не...

Малларен, не оборачиваясь, чуть приподнял правую руку, слабо отмахнулся – то ли досадливо, то ли успокаивающе – и скрылся за поворотом. Кимри только и осталось, что постучать и войти к мастеру Эттилору.

Для начала наставнику пришлось выслушать долгий мо-

нолог: Кимри извинилась за пропущенную лекцию, рассказала о стычке Роддвара с Айралором и последовавшем разговоре, потом о неприятной сцене, в которую её втянул мастер Олквати. Мастер Эттилор сокрушённо покачал головой.

– Мои соотечественники снова одержимы идеей превосходства и жаждой власти. Боюсь, это плохо кончится. Отделение Азумано от Праведного Государства едва объявлено, а уже так дурно влияет на всех.

– Но что мне делать?! – воскликнула Кимри. – Айралора отпустили, а я чувствую себя совершенно беззащитной! Что, если он решит повторить своё заклинание?

– Нет, полагаю, он достаточно умён, чтобы не пытаться сделать это прямо здесь, в Кадае, у всех на виду, – возразил мастер Эттилор.

– Но он может придумать что-нибудь ещё. Пожалуйста, научите меня хоть чему-нибудь для самозащиты! – взмолилась Кимриналь.

– Хорошо, – кивнул наставник. – Дай подумать... *Зеркало*, я полагаю, не годится тебе по характеру. Во всяком случае, не сейчас. *Присвоение* – пока сложно, слишком велик риск повредить себе. Думаю, *очищение*.

Мастер Эттилор взмахнул рукой, над его узкой ладонью повис небольшой *миражный светляк*.

– Сосредоточься и посмотри внимательно, но не на результат, а на взаимодействие между заклинателем и заклинанием. Заметь поток магической силы, поддерживающий эф-

фект. Он присутствует всегда, независимо от вида заклинания и школы.

Кимри сцепила руки в замок и прижала к губам выпрямленные указательные пальцы – с недавних пор она заметила, что этот жест помогает быстро сконцентрироваться. Мастер Эттилор отправил шарик света медленно плыть к потолку, и кэриминка почти сразу увидела тянущийся к нему тонкий, голубовато светящийся, свитый, словно шнур, дышащий магией ручеёк.

– Такой слабый, – удивилась она, – словно ниточка...

Наставник кивнул:

– Конечно, потому что это очень простое заклинание. Кроме того, в данном случае поток состоит из одной только магической силы. В более сложных заклинаниях и в других школах к нему непременно будут примешиваться иные силы и элементы. Тебе нужно посвятить некоторое время тщательному наблюдению.

– Хорошо. Но что мне теперь нужно сделать? Порвать эту нить?

– Не совсем. Ты должна создать свой поток, но магическая сила в нём должна быть закручена определённым образом – так, чтобы, коснувшись чужого потока, разметать его. Сделай *светляк* и посмотри, я покажу тебе.

Магический поток под взмахом руки наставника словно вскипел и ринулся к ладони Кимри, над которой парила светящаяся искра. Кэриминка от неожиданности отдёрула ру-

ку, но кипящий вихрь всё равно настиг её и мгновенно расшвырял связывающую заклинание ниточку во все стороны.

– Ох... Как это?!

– Смотри ещё раз.

Кимриналь подбросила вверх маленький *снежный клубок*, но он не долетел до потолка – безумный вихрь разорвал связь заклинания с волшебницей, и холодный сгусток, бледно вспыхнув, разлетелся в стороны туманом вместе с остатками создавшего его магического потока. Но в этот раз Кимри, кажется, поняла.

– Можно я попробую?

Похоже, эффект «кипения» вызван тем, что рассеивающий магический поток состоит из целого облака крохотных вихрей, вращающихся в разных плоскостях и в разных направлениях. Кимри опасалась, что ей не хватит концентрации, чтобы следить за таким количеством вихрей, но, создав их, вдруг поняла, что им уже не нужно внимание – достаточно лишь задать направление. *Светляк* над рукой наставника погас.

– Хорошо, – похвалил мастер Эттилор. – Но не обольщайся. Сейчас ты имела дело с очень простым заклинанием. Это во-первых. А во-вторых, я не атаковал тебя, а спокойно сидел. А что будет, если так?

С пальцев тайсомина сорвалась яркая искра и стремительно понеслась в сторону Кимриналь. Она и ахнуть не успела, как искра почти врезалась ей в грудь, не долетев на ладонь.

Не будь на шее амулета мастера Эшши-Дана, светящийся шарик впечатался бы прямо под вырез рубы. Конечно, это был всё тот же безобидный *миражный светляк*. Но не нужно ста бойнов²⁵ во лбу, чтобы представить результат от заклинания Пути Разделения.

– Понимаешь, в чём сложность?

– Да, скорость реакции...

– Нет! – возразил наставник с нажимом. – Даже это не играет решающей роли. Куда важнее состояние твоего разума. Ты привыкла, что тебя окружают друзья. Но для того, чтобы суметь защититься, ты должна *ожидать* нападения. Всегда. Везде. Понимаешь? Этому научиться намного сложнее, чем самому заклинанию или даже быстроте, с какой ты его создашь.

Кимри зябко поёжилась. О, нет, вообще-то, куда сложнее ей было *отучиться* от этого. А теперь, когда наконец-то получилось доверять тем, кто рядом – нужно снова стать затравленным зверьком? Вдрагивать от каждого шороха, вглядываться в каждую тень, пристально и незаметно изучать каждый направленный в её сторону взгляд. Но когда речь идёт о жизни, и на этот раз не только её...

Кимриналь встряхнулась и посмотрела прямо в лицо наставнику:

– Думаю, у меня получится.

²⁵ **Бойн** – букв. «отпечаток пальца» (имперск.), мера длины в Праведном Государстве, ок. 1,5 см.

– Несомненно, после того, как ты уделишь достаточно времени тренировкам, – улыбнулся мастер Эттилор.

После ещё нескольких опытов с *очищением*, наставник показал Кимри то, чему учил на пропущенной ею лекции: как определять, зачарован ли предмет. Впрочем, ему почти не пришлось объяснять, кэриминка и без того легко определяла, в каком из колец запечатано заклинание, а в каком нет. Пожалуй, она пока не смогла бы всегда точно назвать, какой именно эффект вложен в предмет, но этого от первошагов и не требовалось.

Возвращаясь от наставника, Кимри решила не ходить мимо залы отдыха – оттуда всё ещё доносились чьи-то голоса. Пройдя по коридору в обратную сторону, кэриминка зашла на второй этаж Восточной башни, целиком занятой библиотекой, и там вдруг нашла Эйно. Даррис сидел за дальним столом и что-то сосредоточенно писал. Немного поколебавшись, Кимриналь всё-таки решила подойти. Эйно встретил её слегка усталой улыбкой и пригласил присоединиться: он снова расшифровывал записи Итто Генбу.

Они долго просидели над мятыми, пожелтелыми страницами, но больше пока не нашли ничего особенно важного. Это был самый обыкновенный личный дневник: сетования на погоду, на мелкие неурядицы среди подчинённых хэйши – кто-то напился и подрался, кто-то повздорил с рыбаком из местных, кто-то задолжал торговцу – размышления о нравах и обычаях кэриминцев, изредка воспоминания о других

местах, где йоши²⁶ Генбу довелось служить. Впрочем, описания шиндина²⁷ были хоть и немногословны, но яркие и интересны, так что кэримины, всё более привыкающие к шифру, не на шутку увлеклись чтением. Мал Нитси обнаружила их уже после того, как прозвучал гонг и, незлобиво ворча, погнала спать.

Шагая снова через учительское крыло вместе с Эйно, Кимри совсем забыла о своих страхах, и даже не взглянула на группу учителей, проходя мимо. Даррис рассказывал о своём детстве в Шокудае, о традициях, которые хранили его родители, сравнивал с прочитанным в дневнике йоши Генбу из Калма'Рин. Ни один разгневанный тайсомин в мире не оторвал бы сейчас Кимриналь от этого разговора. Они ещё с час просидели на лестнице перед спальней.

Кимри ложилась спать с непривычным ощущением лёгкости и... видимо, счастья? Он говорит с ней как с равной, прислушивается к её мнению, не морщится надменно, если она ошибается – что может быть лучше?

К утру, однако, Кимриналь снова приснился кошмар.

Она распахнула глаза от острого ощущения взгляда в спину.

²⁶ **Йоши** – воинское звание в Рикухэй, соответствующее капитану.

²⁷ **Шиндины** – «истинные люди», вторая из двух первозданных рас, созданных в начале мира; ныне населяют Центральную провинцию – Накано, где расположены столица Праведного Государства и Кадай.

Серая мусть простиралась кругом беспросветно, монотонно.

И в этой мути плавали звуки.

Шорохи.

Шёпоты.

Стуки.

Шелесты.

Шаги.

Далёкий звон колокольцев.

Вздохи.

Сдавленные стоны.

Смутные искажённые голоса.

В невидимой выси над головой мрачно гудел на одной ноте ветер.

И снова стучал по камням посох.

То звонко, по оголённой ветром брусчатке, то глухо, попадая в заполненную мягким пеплом впадину. Неровно. Но непрерывно приближаясь.

Разноголосые неразборчивые шёпоты бродили вокруг, то бормотали прямо в ухо, заставляя шарахаться, то удалялись. Разные, разные голоса – мужские, женские, детские, старческие.

Кимри всё пыталась разобрать, что они бормочут, но звуки плавали и смешивались, густо падающий пепел заглушал и безнадежно перепутывал их.

Иногда они смолкали совсем.

Только звук посоха звучал непрерывно. Изредка ему вторил безумный смешок...

И всё гуще сыпал пепел, так что вскоре стало трудно смотреть, трудно дышать. Кимри закрывала лицо руками, но это не помогало.

Стук посоха вдруг приблизился так, что даже в этой мгле уже должно было быть видно хозяина. Но сколько она ни всматривалась – кругом был всё тот же серый пепел.

Посох неожиданно громко и близко грохнул о камни. Дикий, по-особому мерзкий звук, от которого у Кимри мгновенно вскипели мурашки на спине, понёсся прямо в её сторону. Не долго думая, кэриминка крутнулась вокруг себя, швырнув в серую мглу вихрь **очищения**. Гадкий звук захлебнулся.

Содрогаясь от ужаса, который наводила какофония шёпотов, Кимриналь попыталась бежать – хоть куда-нибудь, лишь бы прочь отсюда. Вокруг ничего не менялось. Только под ногами – вроде бы – двигалась мостовая. Но, не получая подтверждения от остального пространства, мозг отказывался здраво оценивать происходящее и впадал во всё большую растерянность, грозящую перерасти в панику.

Справа почудилась смутная тень. Кимри свернула туда и через несколько шагов оказалась возле стены. Что это – дом? Или какая-то ограда? Не разобрать. Но вдоль неё хотя бы можно было идти, видя, что перемещаешься.

Резкий, оглушительный удар посоха о камни и мерзостный хлопаящий звук заклинания настигли Кимри внезап-

но. Краем сознания кэриминка поняла, что уже не успеет швырнуть **очищение** – она лишь дёрнулась в сторону и ухнула в неожиданно подвернувшийся проём в стене. Гадостный звук с чваканьем вцепился в стену. Вслед понеслось бесвязное раздражённое бормотание.

И тут Кимри увидела человека. Он сидел внутри, привалившись к стене, у самого порога – неопределённая фигура, закутанная в серые лохмотья – обхватив колени, уткнув в них лицо и раскачиваясь вперёд-назад. Кэриминка попыталась окликнуть его, но человек не обратил внимания. Впрочем, не удивительно: голос её прозвучал здесь так дико и странно, что его нетрудно было бы спутать с остальным бессмысленным бормотанием вокруг.

Кимри подошла к человеку и осторожно коснулась плеча. Человек вскочил, как подброшенный, и завизжал так оглушительно, что кэриминка сама шарахнулась от него. Человек, продолжая истошно вопить, прыгнул в другую сторону и мгновенно скрылся где-то в глубине строения.

«Токк-то-хо-хо-хэ-ха-ха-ха!!!» – прогрохотало вдруг у Кимри прямо над головой. Следом мерзко прозвучало нечто булькающее, срежсецущее, визжащее; кэриминка шарахнулась следом за человеком в лохмотьях и...

...едва не грохнулась с кровати.

6. Подозрения

Разбуженная гадким сном на рассвете, Кимри не смогла больше уснуть и села записывать в дневник события вчерашнего долгого дня. Когда проснулся Роддвар, она привычно спустилась с ним на площадку и с удовольствием позанималась акробатикой, радуясь тому, что всё внимание отнимают упражнения, и можно хоть на время перестать думать об остальном. Впрочем, прежде чем отправиться в купальню, Кимри попросила брата-северянина дождаться её.

До завтрака оставался ещё почти час, и они устроились на скамейке в алхимическом саду, окружающем башню Совета Кадая в центре замкового двора. Некоторое время они просто наслаждались свежестью утреннего ветра и ароматами буйно цветущей сирени и азалий, болтали о пустяках и о занятиях. Наконец, Кимри решилась:

– Послушай. Мне неловко просить, но... можно я посмотрю кое-что?

Роддвар озадаченно обернулся.

– Посмотришь? Это в смысле?

Кэриминка вздохнула.

– Ну... даже не знаю, как объяснить... Я научилась видеть некоторые вещи. Эмоциональные связи. Но я очень многого ещё не понимаю. Поэтому хочу посмотреть и сравнить кое с чем.

– А, – северянин улыбнулся беззаботно, – всего-то. Да смотри, конечно! Чего такого?

Кимри опять вздохнула: ей было жаль расстраивать названного брата напоминанием о погибшей родной сестре. Но и вторгаться в это тайком казалось неправильным. Так что она всё-таки пояснила, невольно торопясь:

– Видишь ли, мне нужно понять, что становится со связями, когда... когда мы теряем кого-то. Я думала посмотреть у наставника, но ему столько лет, и он окутан такой сетью, что у меня ничего не получилось. А своих родителей я потеряла слишком рано, и, наверное, поэтому не могу найти нитей, связанных с ними. И мне больше некого попросить...

Роддвар прервал её, положив тяжёлую ладонь на плечо и усмехнувшись.

– Ким, ты так оправдываешься, будто просишь меня сгонять в Яму²⁸ за чешуёй с задницы Скитта²⁹!

– Кого? – растерянно моргнула кэриминка.

– О'ай, Хозяина Скверны. Да не важно. Можешь смотреть что угодно. Что я должен делать?

– Ну, в общем, ничего. Наверное. Просто посиди.

– Хорошо.

²⁸ **Яма** – Удел Бога-Хозяина О'ай.

²⁹ **Скитт** – (китадинск.) то же, что О'ай (имперск.) – один из Богов-Хозяев, покровитель всяческой скверны: червяков, праха, тлена, телесных болезней и разных нечистот, не только физических, но и духовных (лживость, склочность, подлость, предательство); антропоморфен, но покрыт змеиной чешуёй и обладает длинным змеиным хвостом с погремком на конце.

Северянин снова откинулся на спинку скамьи, закинув руки за голову и глядя в небо. Кимриналь собралась с духом и сосредоточилась. Сначала ей показалось, что ничего не вышло. Но чуть изменив угол зрения, она поняла, что нити брата-северянина просто потерялись на фоне ясного неба, потому что оказались окрашены в тот же цвет. Кимри задумалась было, почему у всех нити разных тонов, и от чего зависит оттенок, но тут же одёрнула себя: этот вопрос можно и после исследовать. Сейчас нужно найти те связи, что ни к кому не ведут.

Рассматривая чуть светящиеся сплетения, Кимриналь подспудно удивилась, до чего красив и сложен оказался узор. Роддвар был так прост с виду, что она втайне ожидала и в незримом найти такую же незатейливость. Оказалось иначе – и очень гармонично, и неожиданно сложно.

Спустя пару минут Кимри разглядела нить, не ведущую вовне – та замыкалась сама на себя. И ещё одна. Кэриминка столкнулась с проблемой: она не знала, как определить, с кем связывает та или иная ниточка, и как спросить об этом, тоже понятия не имела. Если только...

– Роддвар, можно я... прикоснусь? Я не знаю, что будет, если плохо – скажи сразу, ладно?

– Давай, – кивнул он. – Не бойся.

Кимриналь протянула руку и едва-едва, самым кончиком пальца, притронулась к бирюзовой петле.

– Что это?

– Мама, – немедленно отозвался северянин.

Кимри отдернула руку, потом тронула другую, чуть более тёмную петлю.

– А это?

– Отец, – тут же откликнулся Роддвар и посерьёзnel, опуская руки. – Странное чувство...

– Плохо?! – вскинулась Кимриналь.

– Нее... – он нахмурился, подбирая слова. – Как будто только что видел сон про детство. Куча картинок перед глазами.

И тут Кимри нашла свободную нить. Она не уходила прочь, не повисала безвольно, а словно стремилась тоже свиться в петлю, тянулась сама к себе, подрагивая напряжённо. Кимриналь чуть коснулась её.

Роддвар вдохнул и выдохнул:

– Руни...

Тонкая ниточка вдруг поросла густым искристым инеем, замерцала и зазвенела – и в разум Кимри хлынул поток образов: высокая девушка-подросток, одетая в тёплую куртку из волчьего меха и песцовую шапку, бежит по снегу, хохочет, подхватывает пригоршню снега и, оборачиваясь, бросает прямо в него; та же девушка зовёт его к колодцу, склоняется над стоящим рядом ведёрком и вдруг достаёт из него ледяную корону, тонкую, с длинными прозрачными зубцами – за ночь забытая вода застыла на поверхности, вырастив ледяное чудо; а вот он неловкими пальцами сплетает кожа-

ный шнурок, увязывает в него пихтовые шишки, ястребиные перья и сухой черныгодник – завтра у сестры день рождения; вот они вместе лежат на огромной копне, накрывшись тяжёлым одеялом из медвежьих шкур – и смотрят в небо, обвитое трепетным зелёным огнём...

Кимриналь очнулась от глухого сдавленного звука. Роддвар сидел, закрыв лицо руками.

– Что я натворила! Прости!

– Не, – он поспешно утёр глаза рукавом и обернулся с улыбкой. – Не-не-не! Слушай, это было... Я боялся её вспоминать, понимаешь. Боялся думать о ней. И мне уже начало казаться, что кроме того дня, когда она погибла – нет и не было ничего... Праматерь Химлен! Ты натворила чудо, сестрёнка!

Роддвар сгрёб кэриминку лапищами и крепко стиснул, горячо дыша ей в макушку.

– Ты натворила чудо, – повторил он шёпотом. – Спасибо!

Кимри чувствовала себя странно. Было радостно, что она, кажется, сделала доброе. Но и слегка неудобно. Как-то много стало в последнее время объятий. Ей, сторонившейся лишних прикосновений, сложно было воспринимать их как должное. Она даже не могла разобраться, приятно ли это. Но не вырваться же, когда человек так искренне радуется...

Отпуская названную сестру, Роддвар в придачу взял её обеими руками за голову и одарил крепким поцелуем в лоб.

– Ты-то увидела, что хотела? – спросил он, пока Кимри

приходила в себя.

Она кивнула:

– Думаю, да. Хотя, это нужно ещё осмыслить.

– Ну, если надо будет, ты говори. Я всегда рад помочь.

А теперь пошли в столовку, а? Жрать хочу, мочи нет!

Соклубники уже сидели за столом, когда подошли Роддвар и Кимри. Эйно улыбнулся обоим, хёдин сонно промурчал приветствие. Только Лиснетта изменилась в лице и уткнулась в тарелку. Когда же северянин принёс еды себе и Кимриналь и сел рядом – рыжая отшвырнула ложку, вскочила и выбежала прочь.

– Э? Чего я опять не так сделал-то? – опешил Роддвар.

А Кимри почувствовала на себе чей-то колючий взгляд, обернулась и увидела улыбающегося Айралора. Целый вихрь подозрений взвился в голове кэриминки, но осмыслять их было некогда. Так и не притронувшись к завтраку, Кимриналь бросилась догонять Лиснетту.

Ринминка нашлась в алхимическом саду, как раз там, где только что сидели они с Роддваром. Рыжая встретила Кимри взбешённым взглядом и саркастической усмешкой, выглядевшей невероятно дико на её обычно жизнерадостном личике.

– Тут вы тискались, да? – выплонула ринминка ядовито.

– Т... что делали? – опешила Кимриналь. – Лис! Что происходит?!

– Это я тебя должна спрашивать! Вас тут пол-Кадая виде-

ло только что! Будешь отрицать?

Кэриминка заставила себя дышать глубоко и ровно, села рядом с Лиснеттой – та раздражённо отодвинулась подальше – и, помолчав, спросила:

– Скажи, ты правда считаешь, что я стану вести себя так, как кто-то мне приписывает? Хотя, нет, не то. Ты правда думаешь, что Роддвар будет так поступать с тобой?

– Не знаю я, что думать! Вы обнимались! – выкрикнула рыжая сквозь закипающие злые слёзы.

Больше всего на свете Кимри хотелось бы сейчас просто встать и уйти: ничего не объяснять, не доказывать, не оправдываться. Её останавливало смутное чувство чужого недоброго вмешательства. Самодовольная улыбка Айралора не шла у неё из головы, хотя тайсомин вроде был ни при чём...

– Лис, можно я спрошу: за последнее время сколько раз ты висла на шее у Шахарро? Обнимала его, чесала за ушами. Кому-нибудь пришло в голову утверждать, будто это значит что-то большее, чем дружеское выражение эмоций?

– Это совсем другое! – возразила ринминка упрямо.

– Почему?!

Лиснетта вскочила и чуть не кинулась на Кимри с кулаками:

– Киналь сказала, он тебя целовал!

– Двойняшка Киналь? – Кимриналь в удивлении развела руками. – Подруга Айралора?

Услышав имя злосчастливого тайсомина, рыжая моргнула и остановилась.

– Н-ну... да...

– Лис, пожалуйста, сядь и выслушай меня.

Кимри, мысленно проклиная всех тайсоминов разом, подробно рассказала подруге, о чём попросила Роддвара, что из этого вышло, и как он потом в порыве чувств обнял и поцеловал её в лоб.

– Ты понимаешь, что они делают? – Кимриналь заглянула в лицо растерянной ринминки. – Они пытаются нас поспорить! Лис, если мы не будем друг другу доверять, то кому вообще тогда верить? Я понимаю, что Роддвар дорог тебе. Но зачем ты его оскорбляешь такими подозрениями? Как ему вообще быть с тобой, если ты готова поверить любой гадости, которую тебе наплетут о нём?

– Н-не... не знаю! – рыжая всхлипнула и заревела. – Не знаю... она так сказала... мимоходом... меня перемякнуло...

– Аса'ю-Мать... Лис, ну, как ты можешь вообще что-то такое в нём предполагать!

– Не знаю... – пробормотала ринминка сквозь всхлипы. – Он добрый и доверчивый, ему голову заморочить ничего не стоит...

Кимри обессиленно потёрла лицо руками.

– То есть, ты считаешь его дурачком? А меня – способной зачем-то морочить ему голову?

– Да нет же! – вскинулась рыжая, но тут же поникла. – Не знаю... Рин-Рин, получается, что – да...

Кимриналь только головой покачала:

– А я-то думала, это я никому не доверяю.

– Я не знаю, что у меня в голове, – всхлипнула Лиснетта. – Прости-и!

Рыжая кинулась обнимать подругу, и та усмехнулась:

– Ну, вот. Теперь кто-нибудь расскажет Роддвару, что ты тоже обнималась не понятно с кем. Как думаешь, что он сделает?

Ринминка отпрянула, вытаращившись на Кимри, похлопала глазами и вдруг фыркнула:

– Да в морду ему даст, чтоб про меня гадостей не болтал!

– Вот. Теперь ты говоришь про Роддвара, которого я знаю, – улыбнулась Кимриналь. – Прошу тебя, Лис: если кто-то снова будет рассказывать тебе про меня и Роддвара – просто приди и спроси, что было. У меня. И у него. Договорились?

– Угу-у...

Подруги пошли обратно в столовую. Лиснетта, успокоенная, болтала как ни в чём не бывало. А Кимри вдруг поймала себя на странном чувстве: будто за последние пару месяцев внезапно повзрослела на пару лет.

Подлетев к столу, рыжая бросилась к Роддвару, без стеснения обняла за шею, поцеловала в щёку и что-то торопливо зашептала на ухо. Кимриналь невольно оглянулась

на стол тайсоминов и ощутила непривычное злорадное удовольствие, наблюдая, как вытягивается физиономия Айралора. Но радость сильно потускнела, как только Кимри осознала: раз он наблюдал и недоволен, значит, действительно, попытка поссорить Лис и северянина – его рук дело. Гадко-то как...

Неприятные странности на этом не закончились. В обед за столом вдруг не оказалось Шахарро. Сначала этому не придали особого значения: у второшагов только что закончилась лекция по Пути Разделения, и хёдин вполне мог задержаться с наставником. Когда все поели, Кимри осталась отнести в моечную тарелки (по негласно сложившемуся обыкновению они делали это по очереди), и тут, в противоположном углу столовой, обнаружила сидящего в одиночестве котолюда. Он почувствовал взгляд Кимриналь, поднял глаза и нервно дёрнул усами, сморщившись в непонятной гримасе. Кэриминка неуверенно улыбнулась, но не нашла в себе сил подойти и спросить, что случилось. Кажется, она исчерпала на сегодня лимит взрослости и здравомыслия. Сложив тарелки в мойку, Кимри, так и не решившись ещё раз взглянуть на хёдина, поспешила на следующую лекцию.

Мастер Олквати учил сегодня создавать магический *замок*. Кимриналь и без того с трудом понимала его разъяснения, а сейчас её мысли были заняты непонятным поступком Шахарро, о котором она пока даже Роддвару не рассказала. Мастер Олквати же, как нарочно, решил потешить свою

неприязнь после сцены с хашином и вызвал кэриминку первой «продемонстрировать свои удивительные таланты». Заклинание у Кимри не получилось ни с первого, ни даже с пятого раза. Мастер Олквати наслаждался. А Кимриналь чувствовала себя попавшей в центр невидимой паутины.

Самым неприятным было то, что она не решилась поделиться своими подозрениями даже с наставником. Да и чем делиться – смутными ощущениями, которые нечем подтвердить? Впрочем, вечером, в библиотеке, Эйно заметил, что Кимри рассеянна и расстроена. Поддавшись настойчивым расспросам, кэриминка всё-таки рассказала, как нашла Шахарро обедающим отдельно, практически прячась от них.

– Думаешь, ему тоже что-нибудь наговорили? – нахмурился Даррис.

– Не знаю, – вздохнула Кимри. – Мне не хватило духу подойти. Может быть, я вообще всё это себе придумала, потому что боюсь Айралора.

– Не бойся. – Эйно положил перо и взял Кимри за руку. – Даже если он в самом деле что-то замыслил – не важно. Я тебя не оставлю.

Кимриналь собиралась сказать «спасибо», но неожиданно раздавшийся за спиной звук заставил её похолодеть и застыть в ужасе.

Деревянный посох размеренно стучал о каменные плиты пола.

Вот здесь, наяву.

Прямо у неё за спиной.

Приближаясь.

Едва находя в себе силы дышать, Кимри медленно обернулась. Позади, по проходу между книжных шкафов, медленно шёл Айралор, что-то высматривая и лениво постукивая об пол длинным деревянным посохом, украшенным изящной резьбой и дорогими камнями...

Эйно крепче сжал похолодевшие пальцы кэриминки и повторил настойчиво:

– Не бойся!

7. Примирения

Проснувшись утром тэнсамона, Кимри с досадой поняла, что её ночные блуждания по пепельным пустошам под аккомпанемент посоха-невидимки становятся неприятным обыкновением.

Сегодня она опять забрела в какие-то развалины и обнаружила там несколько человек. Один снова с воплями бросился прочь от Кимри. Может быть, это даже был тот самый, из прошлого сна. Второй скиталец оказался женщиной. Она сидела, бессмысленно глядя в стену, и только рука её непрерывно царапала ногтями бедро, не обращая внимания на сочащуюся из-под пальцев кровь – ветхие лохмотья не могли защитить израненную кожу. Сколько Кимри ни пыталась заговорить с женщиной, та так и не увидела кэриминку. Третий поднял бессмысленное лицо и жутко захихикал, мелко сотрясаясь и закатывая глаза.

Что-то было не так с их лицам. Кимриналь поняла это только сейчас, проснувшись, и стала вспоминать. Сначала покзалось, что это всё кэримины, но кожа их была не просто серой – она словно поросла коркой пепла, плотно слежавшегося и потрескавшегося...

Кимри содрогнулась, мысленно оттолкнула от себя жуткие образы и поспешила на тренировочную площадку. Там, кроме Роддвара, неожиданно оказалась Лиснетта. Занимать-

ся она, правда, не стала, а так и просидела на бревне, болтая ногами и прикидываясь беззаботной, но подозрительно косясь всякий раз, когда Роддвар поддерживал Кимриналь. Кэриминке было неуютно под этими взглядами. Северянин, впрочем, держался спокойно и невозмутимо, хотя не мог не понимать, с чего это вдруг рыжая примчалась сюда и, вместо того, чтобы присоединиться, прожигает им спины взглядами.

Выбравшись из купальни, Кимри опять наткнулась на ринминку, сидящую на ступеньках.

– Лис, что случилось?

Рыжая поморщилась, перебрасывая с ладони на ладонь подобранный с земли камушек.

– Да вроде ничего, – вздохнула она. – Честно, не знаю, чего меня тарашит. Вот вижу, что он и правда с тобой как с сестрой обращается, а прям не могу, зубы искрошить хочется! Ну, вот что, ты не можешь с Эйно тренироваться?

Кимриналь села рядом, увязывая волосы в узел и спрятав под этим предлогом лицо от подруги.

– Даже не знаю... – проговорила кэриминка и после паузы всё-таки призналась: – Мне неловко.

– Ой, да ладно! У вас же всё сладилось! Будто я не знаю, что вы каждый вечер вместе возвращаетесь после гонга.

Кимри стало неприятно, и она ответила напряжённо:

– Лис, я не знаю, что такое «сладилось». Да, мы допоздна переводим дневник йоши Генбу в библиотеке. Можешь

спросить Мал Нитси.

Ринминка фыркнула так язвительно, что Кимри стало совсем обидно, а рыжая ещё добавила:

– Ким, ну, что ты меня за дурочку держишь! Я понимаю, что ты скромница и не любишь личное обсуждать, но чего отрицать-то очевидное?

Кимри поднялась, чувствуя, как кровь приливает к лицу, и проговорила, невольно сжимая зубы, чтобы не выдать охватившую её дрожь:

– Не знаю, Лис, что для тебя очевидно. Но знаю, что есть и чего нет между мной и Эйно. Да, он для меня больше, чем просто товарищ. Да, я вижу, что тоже интересна ему. Да, мы вместе проводим время за работой и много разговариваем. И нет – между нами нет того, на что ты намекаешь. Можешь думать, что хочешь.

Рыжая, кажется, искренне удивилась:

– Рин-Рин, да чего ты вскипятилась, будто я тебя в ужасе каком обвинила? Все целуются и обнимаются, когда влюблены! Чего такого?

– Ничего, Лис. Кроме того, что этого нет, а ты считаешь, будто я лгу.

– Да потому что так не бывает! – убеждённо заявила ринминка. – Либо ты влюбляешься, и у вас всё вот это – либо это не любовь, а я не знаю, что.

Кимри отступила на пару шагов, чувствуя, как слёзы закипают на ресницах; голос дрожал и срывался, как она ни

старалась его унять.

– Извини, Лис, но ты не была у меня в голове и ничего обо мне не знаешь. Я больше не буду тебе объяснять – ты всё равно не веришь. Думай, что тебе нравится. Только, пожалуйста, избавь меня от своих домыслов.

Развернувшись, кэриминка бросилась в замок, задыхаясь, взлетела по лестнице, вбежала в спальню и с грохотом захлопнула за собой ширму. Минут пять она металась по тесной, в несколько шагов, комнатушке, потом села на кровать, закрыв лицо руками и тщетно пытаясь усмирить кружившую в голове мешанину из сомнений, гнева и обиды.

Пора было идти на завтрак. Но стоило только представить, какая сейчас будет напряжённая атмосфера за столом... Хоть совсем из комнаты не выходи. Однако она всё-таки поднялась, поплескала в лицо прохладной водой из умывального кувшина, переделась в робу и отправилась завтракать.

Подойдя к столу археологов, Кимри увидела, что место хёдина снова пусто.

– А где Шахарро? – спросила она.

Ей ответили дружным пожиманием плеч. Кэриминка постояла нерешительно, потом повернулась и пошла на другой край зала, туда, где видела котолюда вчера. Так и есть – вон он, за другим столом, ещё дальше. Кимри прикусила губу, потом всё-таки подошла и села напротив. Хёдин слегка наморщил нос, но ничего не сказал и продолжил есть. Кимриналь пришлось сделать над собой серьёзное усилие, чтобы

голос прозвучал ровно и спокойно, когда она спросила:

– Шахарро, почему ты здесь? Мы чем-то тебя обидели?

Хёдин вздохнул, понимая, что объяснений не избежать, и отодвинул тарелку.

– Постарайся не счесть меня пустым истерриком, если сможешь, – произнёс он после затянувшейся паузы.

Кимри пожалала плечами в недоумении и выжидающе подняла брови. Шахарро засопел и, полуотвернувшись, выговорил с большим, чем обычно, акцентом:

– Чувствую себя лишним. У всех интерес, цель. А мне зверски скушно! Весь этот тррёп про оррден Мэгуми... Не настолько мне это интересно, чтобы хвост в трри узла завязывать: рыться в архивах, чихать пылью. Тосска...

– Ну... ты же можешь и уйти из клуба, это не обязательные занятия. Я не забыла, что ты пошёл туда только из-за меня, и благодарна тебе – тогда это здорово меня поддержало. Но ты не обязан оставаться, если тебе скучно. Только зачем ты совсем от нас уходишь? Мы же можем быть друзьями и без клуба!

– Не понимаешшь?

– Нет, – честно ответила кэриминка.

Хёдин опять вздохнул и признался с досадой:

– Я завидую! Хоррошо иметь увлечение.

– А Путь Разделения?

Шахарро передёрнул плечами и вскинул хвост на колени.

– Просто выбррал то, што показалось пррактичнее. Ес-

ли честно, я бы пррямо сейчас нанялся охранником в торговый карраван и свалил куда-нибудь в Китано или, наоборот, в Аранно! Я сюда-то не столько учиться рвался, сколько из Минамонского³⁰ болота удррать. Если б не прриняли, так бы и ссдох там.

– Вот как. А я-то думала, ты, как Лиснетта – из благополучной хёдинской семьи, приехал из Нишино³¹...

Шахарро презрительно фыркнул:

– Из Нишино... В жизни там не был. Да и семейку мою благополучной не назовёшь: отец на слане³², мать от сырости вечно злится и шипит, из дома не выйди – того гляди кинжал в бок ткнут. Пока ждал ответа из Кадая, чуть не прехнулся.

Кимри не сдержала изумлённого возгласа, и хёдин оскаллился в недоброй усмешке.

– А ты как думала? Коты ненавидят гекконов, гекконы котов, людскую стражу бесят и те, и другие. А если ты отказываешься ненавидеть врагов – сам сстановишься врагом и предателем. Как ессть сдох бы. Думал, сбегу – будет классно, весело, интересно. А на деле опять болтаюсь, как

³⁰ **Минамон** – город на юге Накано, расположен на островах в дельте р. Ядзиро.

³¹ **Нишино** – Западная провинция, дом котолудов.

³² **Слан** – наркотический сироп, приготовляемый из обработанной особым способом дайчинской соли – минерала, распространённого в Горной провинции; в чистом виде и в небольших количествах дайчинская соль безвредна, зверолуды вовсе могут употреблять её в любых количествах, однако слан – тяжёлый наркотик даже для них.

дранный хвост в луже. Только мешаюшь всем.

– Аса'ю-Мать, кто тебе сказал, что ты мешаешь?! – изумилась Кимриналь.

Шахарро примолк и неожиданно покосился куда-то в центр столовой. Проследив его взгляд до стола тайсоминов, Кимри чуть не вскочила от возмущения.

– Что?! *Он* тебе это сказал? Шахарро, ты с ума сошёл? Да что же это такое, почему все так легко верят любой гадости, которую он болтает!

Хёдин фыркнул и ответил:

– Может, потому что он прав?

– В самом деле? – Кимриналь в ярости стиснула кулаки и пристукнула ими по крышке стола, с усилием заставляя себя говорить потише. – Значит, когда он тебе, как Лиснетте, скажет, что я «отбиваю» у неё Роддвара – ты тоже в это поверишь?

– Шшштоа!?! – вытаращил глаза хёдин.

– А завтра он пустит слух, что я ещё и с тобой заигрываю – тоже скажешь, правда?!

– Э-э-э... Ким, успокойся... Я же не знал, шшто этот червяк взялся сплетни рраспускать...

– Значит, теперь знаешь, – кэриминка хмуро уставилась на свои руки, всё ещё сжатые в кулаки, и с трудом сглотнула комок в горле, мешающий говорить. – Вот и думай, какова цена его словам. И, пожалуйста, возвращайся к нам! Все беспокоятся о тебе и не понимают, что не так.

– Ладно. Я сглупил, – признал Шахарро.

Кимри покачала головой:

– Не совсем. Но, кажется, я понимаю, что происходит. Он определённо пытается нас всех перессорить!

– Ну, ушш нет, этой ррадости я ему не доставлю, – проворчал хёдин и встал, подхватив поднос с остатками завтрака. – Пошшли!

Шахарро встретили радостными улыбками. К облегчению Кимри, он сам извинился за странное поведение и объяснил, что ему нужно было обдумать своё отношение к клубу и тому, чем он тут занимается. Хёдин даже признался, что всерьёз подумывал уйти, но решил не спешить. Лиснетта с радостным писком повисла у него на шее, остальные обрадовались не менее искренне, и Шахарро, кажется, окончательно поверил, что принял правильное решение.

Только Кимри молчала, сама не своя. Айралор, садившийся неизменно лицом к их столу, смотрел прямо на неё со своей извечной презрительной ухмылкой. Магический посох, разрешённый по правилам Кадая только с третьего шага, снова был при нём. Тайсомин постукивал им об пол и с удовольствием наблюдал, какой эффект производит этот звук на обомлевшую кэриминку. Поведение Айралора было столь странным, что даже его друзья после нескольких безуспешных попыток заговорить смолкли и лишь озадаченно косились на него.

Эйно, заметив неладное, бросил короткий взгляд в сторо-

ну тайсомина и продолжил обмениваться репликами с друзьями, но нашёл под столом руку Кимриналь и крепко сжал. Чувствуя, что тихо сходит с ума, Кимри бездумно вцепилась в его пальцы, пытаясь разобраться, что вообще творится. Она могла понять, почему Айралор взялся ссорить их. разумеется, он чувствует себя униженным, хоть его и отпустили из тюрьмы. Но – посох... Ведь он явно знает, что делает, когда стучит именно *в том самом* ритме! Но как? Как он может знать? Это ведь её сны!..

На лекции Кимри побрела, так и не поев. На Пути Жизни сегодня начали большую тему исцеления отравлений, и кэриминка заставила себя сосредоточиться. Клан Торайни, к которому принадлежал Айралор, известен как родоначальник Пути Веществ и искусства составления ядов, так что было бы очень глупо пренебрегать знаниями, позволяющими защититься и с этой стороны. Правда, к концу лекции Кимри лишь с горечью поняла, что понадобится очень много времени, чтобы изучить только самые основы. Количество ядовитых веществ и, тем более, их комбинаций, превосходило всякое разумение. Кимриналь невольно задумалась: не существует ли некого, объединяющего все яды, магического элемента или силы, являющейся противоположностью исцеляющей жизненной силе? Но противостоит жизни – смерть, то, к чему обращаются некроманты, и это совсем не имеет отношения к ядам... Кимри со вздохом оставила размышления, чувствуя, что ей уже не хватает ни сил, ни времени раз-

бираться ещё и в этом.

На уроке Пути Разделения изучали заклинание янаги-ха³³ – разбивающее доспехи. Пока тренировались, Кимриналь, помня о задании наставника, изучала новые сплетения сил, создающие рисунок заклинания. Ближе концу занятия, договорившись с Роддваром, она потренировала *очищение*. Правда, мастер Инх Шэк чутко уловил нехарактерный звук и на несколько секунд вперил в кэриминку немигающий взгляд круглых стеклянно-золотых глаз, но ничего не сказал против. Кимри подумала про себя, что экидины³⁴ всё-таки очень странный народ, ещё менее понятный, чем хёдины – у тех хотя бы есть мимика. Кажется, никогда до конца не узнаешь, что кроется за этим прозрачным взглядом и пёстрой бронёй чешуи...

Гонг, возвестивший конец дообеденных занятий, прервал её размышления. Снова вспомнив обиду на Лис и поймав себя на тоскливом нежелании сидеть за общим столом, Кимри разозлилась. Да, ей всё ещё неприятно вспоминать резкие суждения рыжей. Мало того, что они касались слишком личного – они грубо отрицали существование того, что было сейчас для Кимри одним из самых важных и серьёзных чувств; они вламывались в самое хрупкое и терзали сомнениями, сеяли панику, вынуждали снова и снова напоминать себе, через что уже довелось пройти ради Эйно. Глупая Лис.

³³ **Янагиха** – букв. «лист плакучей ивы» (имперск.)

³⁴ **Экидины** – гекконолюды, жители Болотной провинции – Савано.

Она и правда думает, что в любви самое главное – поцелуи?

Кимри было досадно, что она не может, просто не в силах пускаться в разъяснения. Но помириться с ринминкой нужно обязательно. Пусть подшучивает, болтает свои глупости и допытывается до несуществующих подробностей – всё это не важно. Им нужно держаться вместе. Нельзя поддаваться попыткам тайсомина всё сломать!

Ох, снова его посох стучит по каменному полу... Так и кажется, что сейчас раздастся сумасшедший хохот. Но – нет. Это всего лишь Айралор. Злой, мелочный гордец. И она не доставит ему больше удовольствия видеть её страх.

Кимри заставила себя выпрямить спину и сосредоточиться на дыхании. Войдя в столовую, она подошла к уже сидевшей за столом Лиснетте и проговорила:

– Лис, послушай. Извини, что нагрубил тебе утром. Я не хотела тебя обидеть.

Рыжая вскочила и порывисто обняла кэриминку, протаторив:

– Да-ладно-тебе-я-не-обиделась-ерунда-какая! Мир-мир, закатим пир? – Отстранив подругу, ринминка протянула согнутый указательный палец и объяснила: – Надо сцепить пальцы и ответить: «Цепь-крепь не отпереть!»

Кимри улыбнулась, сцепила с рыжей пальцы и повторила детскую мирилку.

– А у нас хвосты сплетают, – заметил Шахарро.

– А что говорят? – полюбопытствовала Лис.

– Не знаю, не слышал ни рразу.

– А у нас идут в таверну мёд пить, – вставил Роддвар.

– Што, даже дети? – не преминул ухмыльнуться хёдин.

– Так мёд разный бывает, не только пьяный.

– И почему я не удивляюсь?

Обстановка разрядилась, за столом археологов снова стало легко и весело. Кимри не удержалась и тайком поискала глазами Айралора, но его не оказалось среди обычной компании и, кажется, вообще в столовой.

После практики Пути Переноса и лекции по истории со-клубники дружно отправились на раскопки. Мастер Эшши-Дан выслушал в пересказе Эйно информацию из дневника Итто Генбу и одобрил идею учеников попытаться счастья в Архиве Рикухэй. Затем все спустились в уже расчищенный и укрепленный коридор. Пока Эйно и Кимри оставались в лазарете, остальные потрудились на славу. Им даже удалось добраться до шкафа, который освобождали Роддвар и Шахарро перед самым обвалом и добыть из него несколько книг и свитков. Правда, от того холмика, что раскапывали Кимриналь и рыжая, не осталось и следа. Мастер Эшши-Дан указал им другое место, и подруги принялись за работу.

Копаясь в земле, Кимри размышляла об опыте, проведённом с помощью Роддвара. Она никак не могла решить, стоит ли попросить мастера Эшши-Дана присоединиться сегодня к её разговору с наставником, или сначала обсудить увиденное только с мастером Эттилором. По здоровом размыш-

лении выходило, что нет смысла тянуть время. Но тогда нужно после занятия подойти к хашину и... после того ночного разговора это было ужасно неудобно. Кимри встряхнула головой и в очередной раз мысленно одёрнула себя: сколько можно быть такой трусихой?

Под ножом, которым рыжая рыхлила землю, что-то глухо скрежетнуло, и Кимриналь, отбросив на время размышления, взялась помогать. Среди комьев земли серебристо блеснул изогнутый металлический край. Лиснетта азартно пискнула и с удвоенным рвением принялась освобождать находку. Вскоре они достали кубок: тяжёлый, но удобно лежащийся в руку округлой чашей. Снаружи едва проглядывал сквозь чёрные окислы необычный орнамент.

– Что у вас? – раздался прямо над головой голос хашина.

Лис даже вскрикнула от неожиданности и выронила кубок. Мастер Эшши-Дан успел его подхватить и одарил заполошную ринминку гневным взглядом. Наверное, он разразился бы очередной раздражённой тирадой о том, что суэта может уничтожить ценные предметы, но тут подошёл Эино и, взглянув на кубок, уверенно сказал:

– Это кофуминский, из Хайно. Я видел такие. Надо будет его почистить...

Хашин задумчиво покрутил находку в руках потом протянул Даррису.

– Полагаю, вы знаете, как это делать. Займитесь.

Покончив с сегодняшней частью работы, археологи потя-

нулись мыть руки, поливая друг другу из кувшина, который стоял теперь у выхода с раскопок. Лис и Роддвар дурачились с полотенцем, перетягивая его друг у друга, хёдин беззлобно ворчал на них, Эйно бережно ополаскивал кофуминский кубок. Пользуясь тем, что на неё никто не обращает внимания, Кимриналь подошла к хашину и попросила подойти через полчаса к мастеру Эттилору. На долю секунды лицо Малларена разгладилось. Кивнув, он чуть тронул кэриминку за плечо и ответил, что, может быть, минут на десять задержится, но непременно придёт.

Кимри вернулась к соклубникам и поймала на себе взгляд Шахарро, но не поняла его выражения. На её вопросительную мимику котолюд лишь дёрнул усами и отвернулся, отбирая полотенце у хохочущей Лис.

8. Сражения

«Сегодня было очень трудно. Я рассказала наставнику и мастеру Эишии-Дану об исследовании, которое провела с Роддваром. Так и знала, что это закончится чем-то тяжёлым... Мастер Эттилор настоял, чтобы я снова посмотрела на сплетение, что причиняет хашину столько страданий. Да, теперь я лучше понимаю, как оно получилось. Видимо, если кто-то не хочет, не в силах отпустить ушедшего – получается вот такой узел: нить пытается свернуться в петлю, но мысли и чувства оттягивают её, опять и опять, и заплетают всё большие.

И всё бы ничего.

Но наставник заставил меня коснуться этого сплетения...

Я не хотела!

А мастер Эишии-Дан молчал. Не знаю, о чём он думал. Может быть, решил довериться тому, кто уже столько лет ему помогает.

В общем, наставник убедил меня, а он не возразил.

Это было ужасно.

Мастер Эишии-Дан рухнул на кровать и не то потерял сознание, не то впал в транс: он что-то бормотал, закатив глаза, и вздрагивал всем телом.

Я... это было выше моих сил. Я сорвалась и накричала

на наставника, что так нельзя, что он живой и ему больно, и нельзя на живой душе проводить такие опыты: без подготовки, без понимания, что происходит! И потом лечила хашина – снова, снова и снова. Никогда в жизни мне ещё не было так плохо и страшно. Даже когда Эйно едва не ушёл в Оримэ: ведь это не я ему навредила! А тут – сотворила своими руками такой ужас...

Я лечила его целый час, пока не начало темнеть в глазах. Мастер Эттилор оттащил меня в другой конец комнаты, плеснул в лицо водой из чашки, сказал, что я в истерике, и велел сидеть смирно, пока не придёт в себя. Конечно, я была в истерике! За весь этот час Малларен ни разу не открыл глаза, только перестал содрогаться и бормотать...

И я знаю, **что** он видел.

Пепел.

Полуразрушенный дом в Аар'Дайне.

Погасший очаг.

Под потолком позванивали на ветру глиняные трубочки-колокольца.

А в углу скорчилась женщина, сжалась в комок, уткнув лицо в колени и закрыв голову руками. Она качалась из стороны в сторону, словно баюкая саму себя.

А потом пришёл **он** – тот, в чьих руках деревянный посох.

Женщина качалась всё быстрее и бормотала всё громче. Я не понимала ни слова. Но я знала: ещё мгновение – и она зайдётся в жутком крике.

Я не стала ждать. Я не представляю, что было бы с хашином, услышь он...

Почему я не настояла на своём? Нельзя, нельзя было так!!!»

Кимри захлопнула дневник и только теперь заметила, что по лицу безостановочно катятся слёзы. Она долго умывалась, но это не слишком помогло. Пришлось заставить себя сесть и сделать дыхательные упражнения. От этого тоже не очень полегчало, но хотя бы прекратили литься слёзы. Взглянув на часы, Кимри решила пойти в библиотеку. Эйно, конечно, станет спрашивать, но если попросить – то просто побудет рядом, так, как только он умеет...

Она почти бежала по коридорам, стараясь думать только о том, как сейчас сядет за стол и будет разбирать записи йоши Генбу. В библиотеке в этот час было пусто, даже Мал Нитси куда-то вышла, выставив на своём столе табличку с вежливой просьбой подождать.

На привычном месте Эйно не оказалось. Кимри поднялась на второй этаж Восточной башни и ещё на лестнице услышала шум: приглушённые напряжённые голоса, сдавленное бормотанье и шарканье ног по каменному полу. Обежав круглый стеллаж с книгами в центре зала, Кимриналь увидела несколько высоких фигур в тёмной нише меж стоящих вдоль стен шкафов и не сразу разобрала, что они делают. Она попыталась создать *миражный светляк*, и вдруг

поняла, что не может: весь зал оказался опутан сильным заклинанием *немоты*!

– Что вы делаете?! – воскликнула кэриминка и тут увидела Эйно.

Двое тайсоминов держали его за руки, третий зажимал рот, а четвёртый... Четвёртым был Айралор. Он обернулся на голос Кимри, диковато ухмыльнулся и с гнусным удовольствием ударил Дарриса кулаком в живот. Невесть откуда взявшийся пятый тайсомин подскочил сзади и схватил Кимриналь в охапку, так что она и двинуться не могла. На долю секунды Кимри охватила паника. К этому она не была готова. Дома, в Наке, она попадала в такую западню считанные разы, зная о себе, что физически не особенно сильна, и всеми силами стараясь убежать и прятаться, быть настороже каждую секунду. А здесь, где все изучают и используют магию, казалось совершенно немислимым столкнуться с тупой грубой силой.

Но не сдаваться же без борьбы!

Кэриминка разозлилась и попыталась создать *очищение*, но безуспешно – *немота* оказалась сильнее. Тогда она изо всех сил позвала *посланием* Роддвара и принялась извиваться в руках державшего её мерзавца, пытаясь попасть пятками ему по ногам. Айралор опять ударил Эйно, и Кимри завопила во весь голос. Тайсомин попытался зажать ей рот, но для этого ему пришлось освободить одну руку, и Кимри тут же вывернулась, снова мысленно позвала названного

брата, постаравшись показать ему библиотеку и схваченного Эйно. Пока ругающийся сквозь зубы тайсомин пытался поймать кэриминку, она схватила подставку для книг и запустила в Айралора. Тот оставил Дарриса, подобрал брошенный рядом посох и угрожающе обернулся, процедив:

– Как же вы бесите... Так тебе было мало?

Он стукнул в пол посохом, ещё и ещё. Но это больше не работало. Кимри не испугалась, даже почти не обратила внимания на звук. Ей нужно было протянуть время, и она была занята тем, чтобы стол оставался между ней и охотящимся на неё тайсомином. Тот, что зажимал рот Эйно, отпустил безвольно провисшего Дарриса и кинулся на помощь. Кто бы мог подумать, что утренняя акробатика окажется столь полезной! Кимри без раздумий перемахнула через стол и прокатилась меж двоих мерзавцев кувырком через голову. Тайсомины столкнулись в попытке схватить её. Это дало Кимри время толкнуть стул на приближающегося Айралора и снова завизжать в надежде, что кто-нибудь услышит. Несносный тайсомин сделал нечто неожиданное: размахнувшись, он бросил в Кимриналь свой посох. Она не успевала увернуться – посох, со свистом вращаясь, летел слишком быстро. Кимри только и смогла сжаться, прикрыть голову и подставить под удар плечо и бок. Её сшибло с ног, и двое тайсоминов тут же накиннулись, схватили её и потащили к Айралору. Бок и плечо немилосердно ломило, да ещё костлявые пальцы зло впились как раз там, куда пришёл-

ся удар, но Кимри продолжала сопротивляться изо всех сил и ещё раз попыталась закричать. Тяжёлый удар по лицу заставил её замолчать, в ушах поплыл тонкий дурнотный звон. Но сквозь него Кимриналь услышала долгожданный грохот шагов по лестнице и встревоженный бас Роддвара:

– Ким? Сестрёнка, ты где?!

Она ответила *посланием*, израсходовав на это последние силы, и на несколько секунд ухнула во тьму. Очнуться пришлось жестоко – застигнутые взбешённым северянином тайсомины швырнули её на пол. Едва соображая, она лишь догадалась закатиться под стол, чтобы не попасть под ноги сцепившимся. Тайсомины набросились на Роддвара все разом, но он расшвырял их в стороны, как щенят, и принялся награждать полновесными оплеухами. Айралор сориентировался первым и поспешно сбежал, бросив товарищей. Спустя полминуты с первого этажа послышался голос Мал Нитси, и остальные тайсомины тоже кинулись прочь, как крысы, застигнутые в кладовке.

Вошедшая библиотекарьша застала двусмысленную картину: громадный северянин возвышался посреди разбросанных книг и стульев, у сдвинутого с места стола сидела, утирая кровь с разбитых губ, кэриминка, из ниши меж шкафов, согнувшись и хромая, выбирался Даррис. Впрочем, Кимри быстро разрешила недоразумение, рассказав, что случилось на самом деле. Экидинка принялась наводить порядок, с присвистом ворча и обещая пожаловаться на зачинщика

этого неслыханного безобразия в Совет Кадая.

– Так, теперь лечиться, – велел Роддвар, оглядев обоих кэ-риминов, и обхватил за талию Дарриса. – Давай-давай, нечего геройствовать, держись. Лекарь из меня, сам знаешь, какой, так что – чем богаты...

Кимри без лишних просьб опёрлась на руку брата-северянина, и так они добрались до лазарета. Увидев Эйно и Кимри мастер Йосини всплеснула руками:

– Это что ж такое, а? Опять вы во что-то влипли! Нет, эта парочка меня с ума сведёт!

Водворив кэrimiнов в уже знакомую палату и отправив прочь Роддвара, ухитрившегося не получить и царапины, целительница принялась хлопотать вокруг учеников, то ворча, то причитая. Спустя минут сорок от синяков и ссадин не осталось и следа. Только лёгкая слабость и тяжесть в голове напоминали о случившемся. Однако мастер Йосини настояла на том, чтобы кэrimiны переночевали в лазарете.

Помощник целительницы принёс им травяного чая. Оставшись одни, Эйно и Кимри некоторое время молча пили целебный напиток. Отставив опустевшую чашку, Даррис спросил, не глядя на Кимри:

– Как там оказался Роддвар? Ты всем сказала, что случайно, но...

Кэриминка кивнула:

– Я позвала его *посланием*.

– Сквозь *немоту*?

– Ну, это ведь не совсем обычное заклинание. Я понадеялась и, в общем, получилось.

– *Шарат!*³⁵ – выругался Даррис мрачно. – Если б я так умел, то предупредил бы тебя. Я ни на что не гожусь! Там, где мне следует защищать тебя – ты то и дело спасаешь меня. Это ненормально.

Эйно вскочил и принялся нервно расхаживать по комнате.

– Послушай, их же было пятеро, – попыталась возразить Кимри.

Даррис остановился и криво усмехнулся:

– Роддвару это не помешало.

– Роддвар несколько лет был телохранителем. Ты не обязан быть таким же.

– И какой тогда от меня толк?! Меня застали врасплох, скрутили, как совёнка, и ясно дали понять, чего я стою...

Он снова заметался по палате. Кимриналь стиснула ворот, начавший вдруг душить, и выговорила с усилием:

– Эйно, послушай... Послушай же!

Он остановился, явно с трудом заставив себя смотреть на Кимри, и она заговорила торопливо:

– Ты не понимаешь, что происходит. Он же именно так и задумал! Поссорить всех, заставить каждого сомневаться в себе и друг в друге! Посмотри: он заставил Лис подозревать, что я пытаюсь «отбить» у неё Роддвара; он заставил

³⁵ **Шарат** – мерзость, нечистоты (кэриминск.).

Шахарро чувствовать себя лишним и ненужным; он пытается запугать меня; теперь он тебя унизил и выставил в невыгодном свете. Эйно, мы не должны поддаваться! Пойми, пожалуйста, мне не важно, воин ты или нет. Я ведь не полюбила Роддвара, я... – Кимри осеклась и в крайнем смущении на секунду закрыла лицо руками, но тут же вскинулась решительно. – Мы ведь справились, Эйно! Мы справились – вместе! Вот что самое главное.

Даррис опустил на стул и некоторое время молчал, глядя в пустую чашку.

– Это *ты* справилась, – произнёс он тихо.

Кимри снова закрыла лицо в отчаянии и, всхлипнув, выговорила сорвавшимся в полушёпот голосом:

– Ты так и не понял... Это же потому, что *ты* был в беде! всю жизнь я пряталась, изворачивалась и убегала, я никогда не решалась сопротивляться, никогда прежде! Если тебя не будет, я... я ничего не смогу...

– Не знаю... – ответил Эйно неуверенно. – Пока больше похоже на то, что тебе от меня одни беды. Я не понимаю, почему ты видишь иначе.

Кимриналь честно попыталась успокоиться, стараясь не думать, в который раз за сегодня приходится загонять свои чувства в дальний угол и действовать через «не могу».

– Ты не знаешь всего, – проговорила она. – Я попробую объяснить, только, пожалуйста, постарайся выслушать до конца. Мне... я плохо умею разговаривать про такое.

– Хорошо, я слушаю.

– Дело в том, что я – Верная Аса'ю...

Эйно издал изумлённый возглас, но смолк, подчиняясь умоляющему жесту Кимриналь. Она подробно рассказала о том, как Аса'ю призвала её, показала растерзанный Аар'Дайн и попросила о помощи: спасти всех, застрывших там по воле Шиморы³⁶. Пересказала и свои сны, в которых блуждала по пепельным развалинам, преследуемая безумным невидимкой с посохом. И тут всё неожиданно сложилось у неё в голове, заставив замолчать на полуслове.

– Так вот почему тебя так напугал Айралор со своим посохом, – договорил за неё Эйно.

Кимри кивнула.

– Да. Но, кажется, здесь что-то большее... Что, если Шимора завладел Айралором? Тогда всё, что он делает – это не просто месть за то, что мы помешали ему украсть Щит Благословения...

– Тайсомин – прислужник Шиморы? Довольно странная идея, – усомнился Эйно. – Старшие эльфы испокон века поклоняются только Богам-Наставникам.

– На самом деле, это не важно. Я рассказала тебе всё, чтобы объяснить, насколько необходимо, чтобы мы оставались вместе. Потому что вы все незаменимы для меня. Вы – мои якоря и моя поддержка, понимаешь? Роддвар – сила, Лис-

³⁶ **Шимора** – один из Богов-Хозяев, олицетворяет безумие во всех его проявлениях.

нетта – радость, Шахарро – скепсис и рацию, ты... Ты – самый важный. Благодаря тебе я научилась видеть то, что связывает души. Я узнала, что эти связи можно разорвать недоброй силой – и можно исцелить. Благодаря тебе я узнала, что такое страх и как его преодолеть. Благодаря тебе я перестала бояться действовать! Понимаешь? Действовать, вопреки всему: страху, отчаянию, неверию в себя, боязни ранить чью-то гордость... – Кимри порывисто схватила Эйно за руку, умоляюще вглядываясь в его лицо. – Я понимаю, как тебя ранит случившееся, правда! Но прошу тебя, постарайся взглянуть на всё с моей стороны. Всё так, как должно. Аса'ю ведёт меня, учит бороться и отстраивать сломанное. Всё, что мне приходится делать в последние дни – об этом: я только тем и занята, что всех мирю и собираю. И знал бы ты, *как* это тяжело для меня!

Кимриналь уже увидела, что он перестал сердиться, поверил. И от облегчения расплакалась, уткнувшись лбом в его руку, которую продолжала стискивать. Эйно поднялся, обошёл стол и обнял Кимри, глядя её по волосам.

– Я сделаю всё, что смогу, чтобы остаться с тобой, – пообещал он.

А вокруг поднималось золотое свечение, пронизанное сплетёнными в прекрасные узоры нитями...

9. Тэйто

Кимри проснулась, едва забрезжил рассвет. Прокравшись на цыпочках через палату и аккуратно закрыв за собой дверь, она бросилась к мастеру Эттилору. Кажется, впервые в жизни Кимриналь не заботилась о том, что может побеспокоить наставника и доставить ему неудобство столь ранним визитом. Она довольно громко и требовательно постучала в дверь, потом ещё раз, пока не услышала ответ тайсомина. Мастер Эттилор, впрочем, не удивился и впустил ученицу без слова упрёка.

Малларен оставался в постели хозяина комнаты, но выглядел несколько лучше, чем вчера. Наставник негромко сказал:

– Всё хорошо. Он просто спит. А вот ты выглядишь неважно.

Кимри протянула мастеру Эттилору дневник, в котором вчера перед сном написала о нападении в библиотеке и о разговоре с Эйно. Наставник сел в кресло и принялся читать, а Кимриналь поставила стул возле кровати хашина, спиной к тайсомину, и стала тайком снова лечить Малларена. Всматриваясь в искорёженный узел, связывающий хаймина с Мэнираи, Кимри пыталась плотнее закутать его золотым светом, создать кокон, в надежде облегчить причинённые вчера страдания.

– Какая невероятная наглость! – рассерженный голос наставника заставил Кимриналь вздрогнуть. – Я прослежу за тем, чтобы этого мальчишку непременно вызвали на Совет, и буду требовать исключения. Организованное избиение? Такого у нас ещё не было!

Малларен пошевелился, и Кимри вскочила.

– Он просыпается... Я пойду!

Не дав мастеру Этгилору возразить, кэриминка довольно бесцеремонно выхватила из его рук дневник и выскочила в коридор. Неплотно прикрыв дверь, Кимри некоторое время прислушивалась к хриплому со сна голосу хашина, убедилась, что он, в самом деле, неплохо себя чувствует, и пошла переодеваться для тренировки с Роддваром.

Сегодня Лиснетта не стала их караулить. Зато северянин под конец упражнений ошарашил странным вопросом.

– Слышь, хэльги³⁷, я ща, наверное, глупость спрошу, но... Что у вас с хашином?

– А... в каком смысле?

– Ну-у, – Роддвар замялся, но решил держаться привычной прямоты. – Шахарро мне вчера заявил, что о вас ходят... некоторые слухи...

Кимри закрыла лицо руками и села в песок прямо там, где стояла.

– Какие слухи? – выговорила она поблёкшим голосом,

³⁷ **Хэльги** – букв. «светлая», китадинское обращение к женщине, **хэлег** – обращение к мужчине.

не открывая лица.

Северянин опустил рядом и ответил:

– Слушай, я чувую, это всё ерунда какая-то. Но кошка говорит, что и сам что-то этакое заметил...

«Что-то этакое»? Это он про то, как мастер Эшши-Дан вчера коснулся её рукава? Да что с этим миром, что такой простой жест отправляет всеобщую фантазию в полёт к Лунной Семье?!

– Аса'ю-Мать... – Кимри опустила руки и посмотрела на Роддвара в отчаянии. – У «нас с хашином» – ровно ничего! Он серьёзно болен, ты же сам видел. Мастер Эттилор лечит его, а я немного помогаю – всё! Ради Наставников, Роддвар, ты же знаешь, что я...

Северянин поднял руки с раскрытыми ладонями:

– Ты – с Эйно, да-да, прости! Просто хотел прояснить. Не сердись, сестрёнка! Зато теперь я с полным правом буду давать в зубы всякому, кто продолжит таскать по Кадаю эту дурь.

Кимри удручённо покачала головой:

– Это просто восхитительно. С кем только меня уже ни связали! Скоро окажется, что я в наложницах у половины учителей.

– Ну... Это, наверное, потому что про кэримингов говорят, будто у вас это типа нормально – падшие же...

Кимриналь в сердцах схватила полные пригоршни песка и швырнула в стороны, едва удержавшись, чтобы не запу-

стить их прямо Роддвару в лицо.

– Аса'ю-Мать! А про северян говорят, будто вы – мрачные пьяницы, ходите в звериных шкурах и живёте в пещерах в обнимку с медведями! Мне пойти поискать твоего мишку? Где ты его прядешь, а?!

Роддвар несколько растерялся от столь несвойственного кэриминке язвительного напора, потом поспешил ещё раз горячо извиниться и замять тему. Кимри постаралась уверить названного брата, что не обиделась, но, оказавшись в купальне, пару минут яростно била кулаками по воде, потом обессиленно разревелась. Конечно, друзья быстро перестанут слушать эти мерзкие сплетни. Но остальные ученики – вот так и будут думать о ней? Какая гадость... Мьори³⁸, смилуйся!

Спустившись на завтрак в столовую, Кимри, кажется, первый раз сама села рядом с Эйно и первая заговорила с ним. Кэриминка рассудила: коли уж ситуация сложилась так, что она теперь постоянно под прицелом – нужно тщательнее обдумывать каждый шаг и каждый жест. Она перестанет садиться на лекциях вместе с Роддваром, будет стараться не общаться при посторонних с хашином. Было бы прекрасно как-то защитить и дружбу с Эйно, но тут, кажется, ничего не выйдет... Ну, и шитцу с ними, пусть тешат свои фантазии: эта проблема сейчас кажется наименьшей.

³⁸ **Мьори** – одна из Богов-Наставников, олицетворение милосердия, покровительница лекарей и меценатов, защитница нищих.

– Ну, шшто, пойдём сегодня в Архив Рикухэй? – первым высказал предложение Шахарро; все согласились и сразу после завтрака пешком отправились в Тэйто.

До острова Рикухэй можно было бы дойти минут за двадцать по длинному деревянному мосту, что тянулся от лодочного причала чуть севернее разрушенной сторожевой башни. Но Лиснетта заявила, что сто лет не была в столице, что сегодня сумэмон³⁹, они никуда не спешат, и почему бы не погулять. Так что друзья не стали спускаться к озеру, а зашагали по Внутренней Кольцевой. С обеих сторон тянулись фермерские огороды, цветущие яблоневоы сады и бесчисленные террасы рисовых полей. Котолюд принялся ворчать, мол, невелико удовольствие глазеть на ещё толком не засажённые грядки, но Лиснетта, не обращая внимания, вприпрыжку носилась от одного края дороги к другому и собирала ярко-жёлтые ветродуйки. Сначала она сплела всем по весёлому венку и торжественно короновала друзей. Кимри не могла удержаться от смеха, глядя, как серьёзно склоняет голову Роддвар, и как нелепо выглядит на нём девчачье украшение. Шахарро предсказуемо заартачился, но Лиснашла выход: соорудила для него вместо венка целую гирлянду и надела на шею. Котолюд пофыркал, но с гирляндой смирился. Потом рыжая принялась дурачиться с пустыми стеблями: сначала делала из них ужасающе гнусавые сви-

³⁹ **Сумэмон** – шестой день недели в календаре Праведного Государства, посвящён шестому созвездию Небесной Семьи Сумэраги – Императору, Отцу народа.

стульки, потом расщепляла стебельки на полоски и держала во рту, кривясь от горечи, после чего узкие волокна сами собой свивались удивительно плотными пружинками, потом делала из жёлтых головок, листьев и тонких палочек забавных человечков и рассаживала их по заборам и придорожным камням.

На полпути Лиснетта увидела слева ой'аминскую⁴⁰ арку и потащила друзей искать проход меж садовых оград, чтобы подойти поближе. Кажется, ещё ни одна затея ринминки не достаивалась стольких нелестных эпитетов. Даже Роддвар пару раз предположил, что рыжая состоит в тесном родстве с куроама⁴¹. Они проплутали минут двадцать, пока наконец не вышли к Часам, очень похожим на те, что видели во время экспедиции на холме перед Монуке. Только в этих Часах бесконечно перетекающая жидкость была не алой, а прозрачно-голубоватой, и звук от капель словно бы тонко похрустывал битым стеклом. Кимри постаралась незаметно держаться подальше. Она ещё помнила, как ой'аминская магия едва не затопила её в прошлый раз.

⁴⁰ **Ой'амины** – букв. «древние эльфы», вымершая раса, населявшая прежде долину р. Ядзиро; погибли из-за неизвестного эксперимента с магией Пути Крови.

⁴¹ **Куроама** – «чёрные духи», прислужники Ная; мешают душе уйти в Удел бога, которой она поклонялась и обещала себя при жизни, или в Оримэ (место ожидания перерождения или иной судьбы), заманивают в Поля Праха (Удел Ная), и там душа медленно и мучительно обращается в прах или служит Наю в виде нежити.

Выбравшись обратно на Внутреннюю Кольцевую, двинулись дальше, к Западным воротам Тэйто, но тут Лиснетта увидела пасущихся в обширном загоне лошадей и надолго повисла на ограде, пытаясь приманить хоть одну, чтобы погладить. Хёдин снова принялся ворчать, но безудержный оптимизм Лиснетты не так-то просто было пошатнуть.

Рыжая угомонилась только после того, как друзья заметили в тени, у боковой стены конюшен мрачного на вид мужика в чёрных штанах и потрёпаной кожанке с капюшоном. Незнакомец сидел, положив у ног развязанный заплечный мешок, набитый каким-то добром, и лениво пускал цветочно-сладкий дым из длинной трубки. Увидев кучку юных магов в робах, мужик мгновенно подобрался и нашарил на поясе рукоять кинжала. Роддвар, поймав угрожающий взгляд чужака, подхватил Лис под руку и потащил прочь, негромко проговорив:

– Так, ребята, ну-ка, быстро пошли отсюда.

Никому и в голову не пришло возражать. Только спустя пару сотен шагов рыжая всё-таки спросила:

– Это кто был?

– Не знаю. И знать не хочу, – отрезал северянин. – Я лично вообще никого не видел.

В его резком тоне было нечто такое, от чего никто не решился больше ни задавать вопросы, ни спорить с бывшим телохранителем.

Почти сразу за конезаводческой фермой потянулись бед-

няцкие кварталы. Чем ближе к городской стене, тем плотнее они сбивались и слеплялись в неприглядные нагромождения. Кимри увидела кучку оборванных детей, играющих в ножички прямо на дороге, и смуглую, нандинских⁴² кровей, девочку лет девяти, угрюмо сидящую поодаль. Кэри-минка невольно ускорила шаг, живо вспомнив Наку и себя-десятилетнюю, прячущуюся от снегопада в заброшенном доме с дурной славой зачарованного... Давно ей не приходилось так ясно увидеть, насколько сильно изменилась её жизнь. И почему-то стало страшно, словно всё, чего она достигла, стало зыбким и хрупким, готовым рассыпаться от малейшего соприкосновения с тенью прежнего существования... Кимри стиснула зубы, безотчётно вцепилась в рукав Эйно и так и вошла в Западные ворота, держась за него.

Западная площадь оглушила разноголосьем праздной гуляющей толпы. Выкрики разносчиков лакомств смешивались с песнями бардов, тут и там развлекавших народ кто балладами, кто шуточными попевками. Прямо перед Западной таверной расположился кукольный театр, чуть дальше в кольце зевак состязались любители похвастать силой. Чтобы хоть как-то расслышать друг друга и обсудить дальнейший путь, ребятам пришлось протолкаться через всю пло-

⁴² **Нандины** – «южные люди», жители Пустынной провинции – Аранно; смуглокожи, порой до шоколадного тона, глаза карие или тёмно-зелёные с яркой жёлтой каймой вокруг зрачка.

щадь и дойти до Лазарета св. Кизаку⁴³.

Устроившись на скамейке, они принялись обсуждать, куда идти дальше. Кимри давно хотела посмотреть на Кидама⁴⁴ Макото⁴⁵ и Серебряные Сады, против этого никто не возражал, но Лиснетте непременно хотелось увидеть ещё и Алхимические Питомники, а для этого пришлось бы сделать порядочный крюк. В конце концов рыжая настояла на своём. Идти в Питомники решили не шумным торговым районом, а через квартал артистов и учёных, мимо театра, Исторического музея и Имперской библиотеки. Кимри с сочувственным пониманием заметила, как жадно Эйно рассматривал огромное здание библиотеки, но не стал проситься зайти ещё и туда. Сразу за библиотекой просторная мощёная улица внезапно обрывалась, уткнувшись в кованый узорчатый забор. За ним, словно аккуратно вырезанный и перенесённый откуда-то из-за города, буйно зеленел огромный

⁴³ **Святой Кизаку** – знаменитый целитель, подвижник и основатель ордена Мьори.

⁴⁴ **Кидама** – кристаллы сил, используются в Пути Переноса для зачарования предметов: в кидама помещается какая-либо сила (жизненная, магическая, элементальная) или несколько сразу, от количества и пропорций помещённых в кидама сил зависят возможности кристалла к зачарованию и эффекты.

⁴⁵ **Макото Оканэ** – младший принц, спасший Праведное Государство во время Кризиса Ная, принесся себя в жертву, чтобы маги смогли поместить все его жизненные и магические силы в огромный кидама, с их помощью изгнать Ная и запечатать границу между Оодай и Полями Праха; магам удалось сохранить кристалл от разрушения, теперь это памятник в Первом Храме, названный Кидама Макото.

лоскут живого леса с прогалами полян и ненавязчиво аккуратных грядок. Только внимательно приглядевшись можно было заметить, что все растения здесь расположены в строгом порядке, помечены ярлычками и табличками с подписями. В нескольких местах были устроены колодцы, от них разбегались трубы хитрой поливальной системы, рядом стояли большие бочки с водой, которая грелась на солнце – для более нежных, не выносящих холода растений. Возле последнего из таких колодцев, окружённого цветущими азалиями, друзья устроились на отдых. Роддвар с Лиснеттой вызвались сбежать в Торговые Ряды, вернулись с пирогами, яблочным морсом и, конечно же, мёдом.

Кимри с удовольствием оглядывалась вокруг, прислушиваясь к болтовне товарищей. Честно признаться, она слегка опасалась, что в столице, немало пострадавшей во время Кризиса Ная, ей станет дурно, как было в Хигаре. Но ощущение от Тэйто оказалось светлым и, несмотря на весь шум выходного дня, особым образом тихим. За двадцать два года город практически бесследно залечил нанесённые слугами Ная раны: мостовая аккуратно переложена, и уже не различить, какие участки новее, деревья и кустарники высажены заново, цветы пышно цветут в ухоженных клумбах, гладкие стены светлых оттенков мерцают крапинками слюды, которую тут принято добавлять в штукатурку.

Покончив с обедом, друзья выбрались из Питомников через ещё одни кованые ворота и оказались на Каира-

не – огромном церемониальном проспекте, протянувшемся от Северных ворот до самой Турмалиновой башни. Вдоль широкой дороги тянулись ряды кованых фонарей араннской работы, тротуары обрамляли ярко-зелёные газоны и стройная череда яблонь в полном цвету.

– Рин-Рин, какая же красотища! – выдохнула Лис.

Шагая по Каирану, ребята миновали район поместий и увидели по правую сторону храмовый проспект, изгибающийся аккуратной дугой. Здесь располагались храмы всех одиннадцати Богов-Наставников, а в самом начале выделялась колоссальная беломраморная ротонда заново отстроенного храма Магоо⁴⁶.

Как обычно в выходные и праздничные дни, все двери храма были распахнуты настежь, свет Никко⁴⁷ врывается сквозь них и прозрачный купол, отражался от гладких граней Кидама Макото, пронизывал его насквозь и разбрасывал по белоснежным колоннам радужные блики. Но даже не это больше всего поразило Кимри. Замерев перед огромным – не меньше двух нари⁴⁸ высотой! – семигранном кристаллом, она с изумлением рассматривала облако золотых

⁴⁶ **Магоо** – старший из Богов-Наставников, почитается как верховное божество в Праведном Государстве; вершитель времени, особо почитаем ясновидцами, летописцами и историками.

⁴⁷ **Никко** – один из Богов-Наставников, бог света, источник магии, покровитель магов, наставников и учёных; Дед в Небесной Семье; так же – имя солнца в мире Оодай.

⁴⁸ **Нари** – букв. «рост», мера длины в Праведном Государстве, ок. 2 м.

искр, застывшее внутри Кидама и сохранившее облик человека в длинной робе с широкими рукавами и упавшим на плечи капюшоном.

– Это и есть принц Макото? – спросила она негромко у Шахарро.

Хёдин сморщил нос, посмотрел на кристалл и переспросил:

– В смысле? Ну, да, это тот самый кидама...

И тут до неё дошло.

– Ты не видишь? Фигуру внутри?

Шахарро недоумённо встопорщил усы, шевельнул ушами и отозвался:

– А должен?

– Не знаю, – смутилась Кимриналь.

– Да пребудет с вами благословение святого Макото! – раздался сбоку чей-то старческий, но ещё сильный голос; служитель в бело-золотой робе опустился на колени и протянул раскрытые ладони к Кидама. – Любимый сын Бога Времени милостив к вам и явил себя!

У Кимри перехватило дыхание от волнения.

– Так мне не показалось?

Служитель, всё так же стоя на коленях, взглянул на неё снизу вверх с непривычным для кэриминки восхищением и несколько пугающим самозабвением.

– Пребывайте в свете и радости! – выдохнул он, прижимая ладони к груди. – Врата открылись и мосты переброше-

ны будут над бездной! Славьте Магоо, связующего и исцеляющего, порождающего день из ночи и сияние из сумрака! Славьте Магоо, хранящего забытое и вспоминающего неслучившееся! Славьте Магоо!

Монах судорожно вздохнул и закрыл лицо руками, плечи его обессиленно поникли. Археологи, сгрудившиеся позади ошарашенной Кимри, растерянно молчали. Спустя минуту пожилой служитель поднялся с колен, низко поклонился Кимриналь и, не сказав больше ни слова, скрылся на другой половине храма, в ослепительном сиянии Никко.

– Ничего себе! – ухнул басом Роддвар, так что гулкое эхо взлетело под купол.

– Это он шшшто, пророчил сейчас? – прошипел Шахарро.

– Да ладно вам, – окончательно смутилась Кимри. – Просто молился...

– А при чём тут какие-то врата и мосты? – удивилась Лиснетта.

– Лис, ну, откуда нам знать? – мягко ответил Эйно. – Давайте просто побудем тут ещё немного в тишине.

Он аккуратно взял Кимри под локоть и отвёл чуть в сторону. Она благодарно улыбнулась и, запрокинув голову, снова взгляделась в мерцающее облако искр. Человек внутри кристалла стоял, спокойно опустив руки и словно бы глядя поверх толпы, но глаза его были закрыты. Кимри невольно вздохнула, рассмотрев его лицо:

– Он ужасно печальный... Мне всегда было страшно жаль

принца Макото: простой монах, жил обычной жизнью – и вдруг всё это ворвалось и заставило быть кем-то другим, каким он никогда не предполагал становиться.

– Ну, во-первых, но всё-таки был принц, – возразил Эйно. – Во-вторых, как я читал, в юности он вовсе не был так уж прост. Некоторые биографы полагают, что он всерьёз поклонялся Многоглазой Ши'Мунэ⁴⁹.

Кимри неуверенно пожала плечами:

– Не худшая из Хозяев.

– Как сказать. Её служители воруют книги и свитки из библиотек и частных коллекций, вламываются в запретные хранилища, не гнушаются и убийствами...

Кэриминка вздрогнула.

– Думаешь, он?..

– Не знаю. Биографы императорской семьи не говорят об этом в официальном жизнеописании, тем более, после его подвига. Но ведь не просто так принц Макото больше десяти лет служил в скромном храме Хигары, а не в столице.

– Полагаешь, его наказали?

– Конечно. И вряд ли дело только в том, что он пытался избежать традиционного служения – за такое не ссылают прочь.

– В Хигаре... – Кимри содрогнулась, вспомнив тяжкое ви-

⁴⁹ **Ши'Мунэ** – одна из Богов-Хозяев, существо, желающее любой ценой раскрыть все тайны, заполучить все секреты и собрать все знания всех миров в своём Уделе – Архивах; так же её называют Любопытная Ши'Мунэ или Многоглазая Ши'Мунэ.

дение, заставившее её бежать из этого города.

– Да. Он был там в ночь нападения, помогал жителям спастись: искал уцелевших среди пожаров, выводил их через храмовую крипту.

Кимриналь вздохнула.

– Всё равно. Получается, он уже отказался от Ши'Мунэ и собирался вести скромную жизнь, а тут – такая нелёгкая судьба: спасти всю империю, если не весь мир. Каково это вообще – стать практически не-человеком?! И теперь он стоит вот тут, на всеобщем обозрении. И даже не всякий может его увидеть. Не хотела бы я так...

Кимри зябко поёжилась, и Даррис, вспомнив вчерашний разговор, осторожно обнял её за плечи. Но она мягко освободилась, шагнула к Кидама, опустилась на колени и робко коснулась пальцами прозрачной грани. Кристалл оказался неожиданно горячим. В лицо дохнуло тёплым ветром, воздух всколыхнулся, напомнив кэриминке, как Роддвар выпевал свою молитву в святилище Карари⁵⁰. Горячее дыхание Кидама Макото так же мягко всколыхнуло всю Оодай разом... Значит ли это, что Боги-Наставники не гневаются на неё за посвящение себя одной из Хозяев? В самом ли деле Магоо склонился к ней, а святой Макото благословил? Кабы знать... С Богами – Наставниками, Хозяевами ли – никогда не получается быть уверенной.

⁵⁰ **Карари (Кара)** – одна из Богов-Наставников, олицетворение неба, чистоты, совершенства; особо почитаема в провинции Китано.

Археологи вышли из храма притихшие и задумчивые. Следуя уговору, они вернулись на Каиран и снова свернули с него в Серебряных Садах. Никко скатился за полдень, но стоял ещё высоко, его лучи пронизывали невысказанной высоты голубой кристалл Турмалиновой башни, и серебристо-бирюзовое сияние заливало Сады, представляя их в полной красе. Находиться там долго оказалось почти нестерпимо: от серебряных бликов, играющих на земле, отражающихся от гладких плотных листьев буков и серебристых тополей, глубоко в груди поселялся тонкий струнный звон, словно натянутая до предела струна, готовая оборваться в любую секунду.

Выбравшись из Садов, друзья молча дошли до императорского дворца. Мастерство древних магов, сумевших вырастить столь огромный кристалл и выточить в нём несколько десятков этажей, поражало до глубины души. Кимри, запрокинув голову, попыталась сосчитать обороты тянущейся по внешней стене винтовой лестницы, хорошо видимой на просвет, но несколько раз сбилась и бросила эту затею: от ярких бликов глаза быстро начали слезиться.

Мост на остров Рикухэй археологи преодолевали уже изрядно усталыми. Шахарро ворчал сквозь усы, что стоптал лапы до плеч, и что это хуже, чем было в походе. Лиснетта, примолкнув, висла на каменном плече Роддвара, то и дело поджимая ноги. Северянин, впрочем, безропотно тащил её, будто бы не замечая этой детской уловки. Даже Кимри поз-

волила себе взять Эйно под руку и время от времени ненадолго закрывала глаза, уставшие от яркого света.

Как ни странно, район, отданный армии Праведного Государства, совсем не выглядел мрачным. Кольцо стен, строения вдоль них и даже круглая башня тюрьмы посередине были сложены из того же белого мрамора, что и большинство официальных зданий столицы, разве что не украшены резьбой. Но в этой лаконичной белизне была своя строгая красота. У подножия башни тоже цвели яблони. Слева от ворот, из одного из внутренних дворов раздавался звон оружия и голоса: похоже, там была тренировочная площадка. Ребята двинулись туда, чтобы поискать тайи Когараши или хотя бы кого-нибудь из знакомых хэйши. К радости Кимриналь им навстречу поднялся рыжий бард Рэн Гиншо.

– Сайно⁵¹! – воскликнул он с искренней радостью. – Как поживаешь? Да вы все здесь!

Ребята обступили Рэна, приветствуя и говоря все разом. Хэйши на площадке с любопытством косились на кучку юных магов; кажется, сюда не часто заходили посторонние.

Наговорившись и обменявшись новостями, археологи вспомнили об Айралоре и спросили, не знает ли Рэн, почему того выпустили из тюрьмы. Как и предполагалось, за тайсомина вступился кто-то из его могущественной семьи, пригрозив дипломатическим скандалом. В нынешней обстанов-

⁵¹ **Сайно** – «госпожа», уважительное кэриминское обращение к женщине.

ке, когда между Империей Сэйтэй⁵² и отделившейся Восточной провинцией Азумано всё и без того сложно, Императорский Совет решил, что самонадеянную выходку мага-ученика можно счесть мелочью.

Поворчав и поговорив ещё немного о политике, археологи спросили о тайи Когараша. Рэн, выслушав, зачем он им понадобился, махнул рукой:

– Тайи Кей сейчас в рейде, да он вам и не нужен. Пошли, я вас представлю йоши Дзими Энко – он сегодня дежурит в приёмной. Здоровый мужик. Расскажите ему, что к чему, думаю, он вам поможет.

Рэн привёл археологов в приёмную Рикухэй. Йоши Энко оказался приятным человеком лет пятидесяти; умным спокойным лицом он больше походил на аристократа, чем на военного. Выслушав Рэна и ребят, йоши Энко достал бумагу, что-то написал, потом поднялся и велел ученикам следовать за ним. Архив Рикухэй располагался тут же, в подвале. Йоши Энко представил учеников заведующему Архивом Маку Омору и протянул тому только что написанный документ, оказавшийся допуском к исследованиям в Архиве. Эйна пришлось ещё раз повторить, что именно они ищут. Старик Маку выслушал его, молча подхватил трость и захромал вглубь похожего на захолустную библиотеку помещения.

– Вот, – остановился он у одного из стеллажей и ткнул тростью в полку. – Доклады из Северного Хайно все тут, от сих

⁵² Сэйтэй – букв. Праведное Государство.

и до сих. Читать – аккуратно, делать выписки – можно, выносить документы – нельзя.

Выдав сию краткую инструкцию, шиндин поковылял прочь.

– Раз, два... пять полок! – воскликнул Шахарро. – Пять плотно набитыхх полок. Да мы тут пылью зарастём, пока всё прпросмотрим!

– Подожди, – Эйно пробежал глазами корешки папок, почитал ярлычки свитков и кивнул. – Во-первых, нам не нужно будет смотреть всё. Здесь доклады не только из Калма'Рин, но и из других городов. То, что нам нужно – вот тут. Это даже меньше целой полки. Потом, смотрите, всё пронумеровано. Можно разделить работу поровну, тогда мы сможем приходить сюда и поодиночке, не путаясь, кто что просмотрел. Я сделаю список, будем отмечать.

– Хм... Интересно, а из Китано, ведь, тоже, наверное, есть... – задумчиво проговорил Роддвар, оглядывая полки.

– Смерти моей хочешь? – возмутилась Лиснетта. – Это бы разобрать!

– А? Да, конечно, эт я так, к слову... – примирительно кивнул северянин, всё ещё вглядываясь в надписи на соседних стеллажах.

Распределив между собой документы, археологи выдвинули на середину прохода стол и расселись вокруг него, каждый с пачкой бумаг. Эйно поделился ещё несколькими советами о том, как искать нужную информацию, не читая всё

подряд, а сосредоточившись на ключевых словах. За два часа они просмотрели на удивление много бумаг, но, увы, ничего ценного пока не обнаружили. Только Роддвар пару раз отходил к заведующему Архивом, собрал себе отдельную пачку и последние полчаса пристально изучал документы из неё.

Спустя ещё час, собираясь уходить, ученики выпросили разрешение заниматься исследованиями и в никкомон⁵³, когда больше всего свободного времени. Омору поворчал, хмуря седые кустистые брови, но взглянул на умоляющую физиономию Лиснетты и махнул рукой – так и быть.

⁵³ **Никкомон** – седьмой день недели в календаре Праведного Государства, посвящён седьмому члену Небесной Семьи – Никко, Деду.

10. Каменные сады

В ночь на йошимон Кимриналь бродила по пепельным руинам особенно долго. Несколько встретившихся скитальцев не замечали её, глубоко погружённые в собственное безумие.

В какой-то момент пепел, сыплющийся с неба, поредел, и Кимри увидела странное место. Это были уже не стены обрушившихся строений. Нагромождения, выглядевшие каменными, принимали странные, причудливые формы, они походили на миниатюрные холмы и горы, на живописно обрывистые столбчатые скалы вроде базальтовых, на засохшие деревья и застывших живых существ, искорёженных, искажённых до неузнаваемости.

Кимри подошла к одному из деревьев, и тут прямо у неё за спиной раздался голос, заявивший с диковатым восторгом:

– Не правда ли – это восхитительно?

Кэриминка обернулась, шарахнувшись, и врезалась спиной прямо в одну из фигур. Но рядом никого не оказалось. Голос просто звучал – то ли отовсюду, то ли у неё в голове. Довольно неприятный глумливый тенорок.

– Тебе нравится мой сад? По-моему, очень красиво!

Кимриналь крепче прижалась спиной к тёплому камню, и тут почувствовала, как что-то сыпется ей на плечи. С каменной фигуры прямо на неё осыпался всё гуще и гуще

ще пепел. Но он не соскальзывал с плеч, не падал на землю, а медленно облеплял её, покрывал тонким слоем.

– Ты будешь о-очень симпатичным дополнением, хе-хе-хе!

И тут Кимри сообразила, что же было так странно в этих фигурах – всё это были люди! Вон то дерево, его ствол... Та каменная гряда сложена из, кажется, сотен тел, тесно прижавшихся друг к другу, застывших с выражением ужаса на лицах, которые она теперь совершенно ясно различает. Один, наверное, пытался вырваться, но так и остался корявым выступом. А там – женщина, прижимающая к себе младенца... И ещё одна, пытавшаяся сорвать пепельную маску, да так и застывшая с руками, вцепившимися в искажённое криком лицо... А тот холм – лица, лица, лица...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.